

Кто я?

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. До Исхода

- 1 "Образец советской девочки"
- 2 Конец и начало
- 3 Развод с родиной
- 4 Жаботинский
- 5 Голос Крови
- 6 Дорога к Храму
- 7 Куда?

Часть Вторая. После Исхода

- 1 Какое счастье!
- 2 Куда мы попали?
- 3 Складываем чемоданы
- 4 Разведка боем
- 5 "Русские" школы
- 6 Отступать некуда

Часть третья. Кто я?

- 1 Я – еврейка или русская?
- 2 Я – националистка или интернационалистка?
- 3 Я – феминистка?
- 4 Я – "левая" или "правая"?
- 5 Я – экстремистка?
- 6 Я – верующая?
- 7 Я – гомосоветикус?

Часть четвертая. Я – сионистка

- 1 Еврейское народничество
- 2 Последний раввин
- 3 «Парадокс Пятой заповеди»
- 4 Неожиданная социология
- 5 Напутствие
- 6 Молитва

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

До Исхода

1. "Образец советской девочки"

- "Ваша дочь - образец советской девочки!"

Мама вернулась с родительского собрания и с гордостью передала слова классной руководительницы, сказанные обо мне.

Наверное, в чем-то классная руководительница была права: я действительно росла таким человеком, каким советская власть хотела видеть всех советских людей.

Любовь к Родине

Я любила страну, в которой родилась, и была искренне ей преданна.

Однажды в детстве я увидела большой плакат (советская власть обожала разговаривать с подвластным населением языком плаката), призывающий граждан беречь воду. На этом плакате был изображён кран, из которого капала вода. Надпись гласила: вот так, дескать, из кранов по капле вытекают наши реки.

Я пришла в ужас, потому что сразу же подумала о любимой речке Гуйве. На эту речку мы с ребятами из военного гарнизона, где служил отец и жила наша семья, бегали купаться и загорать.

Какое это было блаженство – разгорячёнными, после пробежки через пшеничное поле и луг плюхаться в воду и, стоя в ней по пояс, наблюдать за головастиками, чувствуя, как мягкий ил просачивается между пальцами ног.

Потом приходили конюхи и пригоняли на речку лошадей. Они кричали: «Выходи!», и мы с визгом выбегали из воды, валились на траву и, разжевывая вкусный кисленький щавель, наблюдали за плескавшимися в воде лошадьми.

И вот теперь над моей речкой Гуйвой нависла угроза вытекания из крана. Мысль об этом не давала мне покоя. И я назначила себя лично ответственной за Гуйвину судьбу – бросалась на каждый кран и изо всех ребячьих сил тщательно завинчивала его.

Советский патриотизм

Я росла советской патриоткой. Да было бы удивительно, если бы это было иначе – атмосфера военного гарнизона была пропитана духом советского патриотизма.

Вся центральная аллея гарнизона была утыкана щитами с плакатами, призывающими советских граждан быть бдительными. Враг не дремлет. Он постоянно плетет козни против нашей Родины.

Помню, как выглядели эти враги на плакатах, помню само ощущение их присутствия. Вот тот солдат с плаката - болтает по телефону и не понимает, что его подслушивают невидимые враги. Хорошо, что рядом находится бдительный старший офицер. Есть кому предупредить: "Не болтай у телефона. Болтун – находка для шпиона".

А вот еще враги – уродливые маленькие человечки, пляшущие на веревке. Это НАТО – разъясняет надпись: "Пляшет НАТО по канату. Оборваться может НАТО".

Я иду по центральной аллее гарнизона, параллельно аккуратненьким, выкрашенным белой краской кирпичным треугольникам, обрамляющим газоны. Аллея ведет к главному зданию гарнизона – Дому офицеров.

Я открываю тяжелую входную дверь Дома офицеров и чувствую, как напряжение, вызванное угрозой многочисленных врагов, начинает спадать. В Доме офицеров тихо. Паркет начищен до блеска. На стульях белые чехлы. А на стенах картины, на которых изображены советские военачальники: ясный взгляд – таким взглядом всех врагов видят насквозь; сжатые челюсти – такие бывают только у мужественных людей, которые не дрогнут перед любой опасностью.

И я успокаиваюсь. Рядом с портретами советских военачальников я не боюсь шпионов и НАТО.

Вера в идеалы

Я свято верила в идеалы, ради претворения которых разноплеменная орда в 1917 году разрушила Российскую империю.

В семилетнем возрасте мне, как и всем одноклассникам, на школьный фартушек приколоты значок: пятиконечную звёздочку, с приклеенной в центре фотографией симпатичного белокурого мальчика, который в детстве своём ещё не был Лениным, а был просто Володей Ульяновым. Нам объяснили, что когда этот мальчик вырос, он стал дедушкой всех ребят. И я поверила, что кроме моих собственных дедушек Лейба и Арона, у меня есть ещё один дедушка – дедушка Ленин, общий для всех советских детей.

Поверила я и старшей пионервожатой, объяснившей, как важно, чтобы мы, пионеры, собрали как можно больше металлолома, потому что из этого металлолома построят пионерский паровоз, который повезёт всех детей в коммунизм.

Я грезила этим пионерским паровозом и представляла себе, как он едет, как стучат его колёса, а из окон выглядывают счастливые дети, и никак не могла понять, почему пионеры моего отряда, в котором я, естественно, при таком энтузиазме была председателем, собирать металлолом не хотят.

- Если вы не пойдёте, я пойду одна! – в отчаянии от их безразличия закричала я: ведь нельзя же было допустить, чтобы к наступлению коммунизма, о котором уже объявили, пионерский паровоз не был готов.

И ведь пошла живым воплощением "Кодекса строителя коммунизма" – "один за всех".

Моя вера повела за собой весь пионерский отряд.

2. Конец и начало

Шестидневная война

А потом "советская девочка" во мне закончилась. Исчезла. Иссякла. Я точно знаю дату ее конца – 5 июня 1967 года.

Впрочем, это не случилось внезапно. Это было естественным завершением процесса, начавшегося с кампании "Руки прочь!"

Этими словами "Руки прочь!" пестрели заголовки всех советских газет:

«Руки прочь от Египта!»

«Руки прочь от Иордании!»

«Руки прочь от Ливана!»

«Руки прочь от Сирии!»

Из газет можно было сделать однозначный вывод: ко всем этим бедным и несчастным странам протягивала руки одна и та же страна – Израиль. И я решила поинтересоваться – что же это за страна такая многорукая?

В атласе я с трудом нашла эту страну. Она была такой маленькой, что на отпущенном под ее территорию кусочке карты помещалась только цифра, по которой можно было внизу карты узнать название самой страны.

Я долго разглядывала карту, будучи не в состоянии понять, каким образом у такого маленького Израиля могут быть такие длинные руки.

Как такая маленькая страна может угрожать всем окружающим ее гигантам?

В эти весенние дни 1967 года почти физически ощущалось, как умышленно нагнетается кампания "Руки прочь!" Все, будучи людьми советскими, хорошо понимали – кампании такого рода просто так не затевают. Они всегда преследуют какую-то цель. И как только война, наконец, разразилась, стало ясно, что это за цель.

То, что происходило вокруг Израиля, не было простой политикой, когда цель очевидна – поддержка союзников и дискредитация противников. Израиль был не просто государством, которое советские руководители относили к лагерю противников. Израиль был еврейским государством, и именно это обстоятельство создавало вокруг якобы политической проблемы особую атмосферу. И хотя слово "еврей" не было произнесено ни разу, кампания "Руки прочь!" очень быстро проявила те чувства неевреев по отношению к евреям, которые культивировались веками.

С антисемитизмом такого рода мы прежде не встречались. В советском государстве мы привыкли совсем к другому антисемитизму.

До Шестидневной войны все специфические проблемы, с которыми евреям приходилось сталкиваться в Союзе, всегда воспринимались и решались на личном уровне. Если еврея не принимали в один университет, он находил другой, к евреям лояльный; если директор одного завода старался избавиться от евреев, всегда находился директор, который, наоборот, окружал себя евреями. В личных отношениях с людьми была та же картина – одни евреев не любили и избегали общения с ними, другие не придавали особого значения

национальности любого человека, включая евреев. Но были среди неевреев и настоящие юдофилы, чей круг сотрудников и друзей состоял в основном из евреев.

Теперь же личного момента не было.

То, что происходило вокруг Израиля, воспринималось как проблема коллективная, касающаяся всех евреев, – ведь речь шла об уничтожении еврейского государства. А то, что советские руководители стремились именно к этому, было очевидным по их поведению в первые дни войны – в эти дни израильтяне упорно молчали, арабы рапортовали о своих победах, а советские руководители тянули время и напряженно ждали, когда ликвидация Израиля станет свершившимся фактом.

Рядовые граждане понимали, что именно поставлено на карту, и тоже ждали развязки: евреи с тревогой и страхом, а неевреи в основном с любопытством – некоторые с нейтральным, а многие с враждебным.

Для меня результат всей кампании был ошеломляющим – Шестидневная война как бритвой отрезала пуповину, связывавшую меня со страной, в которой я родилась и выросла.

Ощущение того, что это они **моей** смерти хотели, это они **меня** так ненавидят за что-то, чего я не заслужила, заставило посмотреть на мир, в котором я жила, совершенно новыми глазами. И вдруг я поняла, что к этому миру, миру, в котором когда-то была "образцом советской девочки", я больше не принадлежу.

Он стал мне чужим и чуждым.

Не одну меня изменила и разбудила Шестидневная война. Она изменила и разбудила все советское еврейство.

Считается, что это пробуждение связано исключительно с победой Израиля. Но я точно помню, что оно наступило до начала войны. И вызвано было озверелой ненавистью к Израилю со стороны государства, которое я до этого момента считала своей Родиной.

Так советское государство собственноручно восстановило то, что непоколебимо, при активном участии самих евреев, разрушалось на протяжении всех лет советской власти – еврейское национальное самосознание.

Священная коробочка

- Ты уже видела свежую газету? Там опять напечатали фотографии.

Все домашние знают, что я собираю фотографии израильских солдат. На мое счастье, злость на Израиль за победу в Шестидневной войне выражается в многочисленных материалах о "вражеском сионистском государстве", которые регулярно появляются в советских газетах. Часто материалы сопровождаются фотографиями.

В конце дня газеты поступают в мое полное распоряжение. Я беру в руки ножницы и аккуратно отрезаю все подписи под фотографиями: "израильские оккупанты", "ястребы", "убийцы", "захватчики". А фотографии складываю в коробочку, которую специально завела для этой цели.

Это уже стало ритуалом. Вечером я залезаю в кровать под одеяло, открываю священную коробочку и достаю из нее заветные вырезки из газет. Каждый день перед сном я внимательно рассматриваю газетные снимки: вот израильские солдаты бегут, а вот они стоят, а вот легендарный Моше Даян - Моше Даян раз, Моше Даян два, Моше Даян три.

Изображения нечеткие, и разглядеть детали трудно. Но для меня это не имеет большого значения. Мне кажется, что я всех их знаю – знаю, как израильтяне ходят, знаю, как смеются, как жуют, как смотрят, как пахнет их кожа. Ведь они такие же, как и я.

Отныне я всеми мыслями и всей душой с ними – с израильтянами.

Что происходит со страной, которую я когда-то считала своей Родиной, меня больше не волнует. Что там с реками? Их собираются поворачивать с Севера на Юг? А с Запада на Восток не хотят? Могут вообще все свои реки слить в океан. Их реки – их проблемы.

Впрочем, определенного вида интерес у меня все же был: отныне любой успех советского государства, вооружавшего и поддерживающего врагов Израиля, я воспринимала как угрозу солдатам, чьи фотографии я хранила в коробочке.

Безродная космополитка

Бурный период увлечения Израилем закончился, когда я уехала в другой город учиться. Жить мне предстояло в студенческом общежитии, так что со священной коробочкой, в которой хранились газетные вырезки, пришлось расстаться.

Перед отъездом родители предупредили меня, чтобы я нигде не проявляла свой "сионистский интерес". И я клятвенно пообещала держаться от всего этого подальше, не забывая, что уезжаю я учиться.

Слово я держала, и когда меня приглашали по какому-нибудь случаю в синагогу (к тому времени в молодежной среде походы в синагогу уже стали входить в моду), всегда находила благовидный предлог, чтобы отказаться.

Однако национальный вопрос возникал сам, по независящим от меня причинам, причем в самом неожиданном месте.

Однажды у нас в общежитии разместили студенческую делегацию из Чехословакии. Мы подружались с ребятами и решили устроить в их честь вечеринку. В программу были включены русские песни, которые мы с подружками неплохо исполняли.

Вдруг посреди нашего выступления руководитель чешской делегации обращается ко мне:

- А вы, по-моему, не русская.
- Нет, не русская. Я – еврейка.
- Спойте что-нибудь из еврейских песен.

Казалось бы, простая просьба, однако меня она поставила в неловкое положение.

- Я не знаю еврейских песен.

Чех пристально смотрит мне в глаза и медленно произносит: "ЭТО – ПЛОХО".

Странно. Мне самой как-то и в голову не приходило, что ЭТО – ПЛОХО.

Спустя некоторое время произошел другой эпизод, который также напомнил мне не столько о моем происхождении, сколько о несуразности положения, в котором оказались ассимилированные евреи.

Это произошло на очередной студенческой вечеринке. Кто-то обратил внимание на то, что в одной комнате собрались "дети разных народов".

- Давайте по кругу будем произносить традиционные тосты на родном языке.

Если бы хоть кто-нибудь отказался от предложения или обратил его в шутку, я бы с радостью его поддержала. Но все, наоборот, приняли предложение с энтузиазмом, чего нельзя было сказать обо мне. Оглядев всех участников, я к своему ужасу обнаружила, что еврейский народ кроме меня никто не представляет. А это значит, что я буду вынуждена от имени еврейского народа что-то говорить.

Но что? Еврейский язык, еврейские обычаи – я ничего этого не знала. Весь мой "национальный багаж" состоял из интереса к Израилю.

Сидя вместе со всеми за огромным столом, я, видя, как каждый старается поувлекательней рассказать о своих, понимала, что не смогу признаться в своём полном еврейском невежестве.

-Что же мне делать? – ломала я голову, чувствуя, как очередь неумолимо подползает ко мне.

Больше всего на свете в эту злополучную минуту я желала, чтобы на голову мне свалилась шапка-невидимка, чтобы я растворилась в пространстве, чтобы провалилась на нижний этаж. В крайнем случае, смогла бы залезть под стол или прорваться к выходу. Но к выходу я прорваться не могла, потому что для этого мне нужно было бы поднять всех остальных.

От волнения из моей головы вывалились даже те крохи из фраз и слов на идише, которые каким-то образом застряли у меня в памяти. В голове вертелось почему-то только "шалом алейхем" – то ли в качестве слов популярной песни, которой радиостанция "Голос Израиля" начинала свои передачи, то ли в качестве псевдонима знаменитого писателя Рабиновича.

Когда слово предоставили "еврейскому народу", мне пришлось мобилизовать весь свой артистизм, чтобы присутствующие почувствовали, как я счастлива этот народ представлять. Я бойко начала с преамбулы, в которой намеревалась сформулировать главную мысль: как человек с возрастом становится немногословным от своей мудрости, так и наш древний народ приучился кратко выражать свои мысли и чувства, вкладывая в немногие слова огромное содержание.

-Мы говорим «шалом алейхем», – не моргнув глазом заявила я, – подразумевая...

Далее, уже по-русски, я принялась объяснять, как много мы имеем в виду, так мало говоря.

Какую чушь я несла, припомнить не могу – всё внимание было сосредоточено на том, чтобы речь "еврейского народа" по продолжительности не уступала речам других народов. Очевидно, интуитивно я скакала по принятым стереотипам: древние, мудрые, вечные. Весь расчёт строился на том,

что собравшиеся знают об этом, если не меньше меня, то, по крайней мере, и не больше.

Моя речь удостоилась таких же аплодисментов, как и речи других ораторов. Честь "еврейского народа" была спасена.

Но на этом мои испытания не закончились. Интернациональная тема всем очень понравилась и поступило новое предложение: пусть каждый споёт песню своего народа.

Всё! Это был нокаут! Какую-нибудь мелодию я, конечно, могла изобразить – ведь я всегда их слышала на еврейских свадьбах и семейных торжествах. Но слова! Что делать со словами? От имени еврейского народа я могла предложить собравшимся только вокализ: "А-а-а-а". Это, конечно, тоже вариант, но самым логичным объяснением его "специфики" было бы заявление о том, что еврейский народ такой умный, такой умный, что ему и слова в песнях не нужны. Он и без слов всё понимает.

Воспользовавшись моментом, я незаметно подошла к вешалке, взяла пальто и, стараясь не скрипнуть дверью, выскользнула из квартиры. В сложившихся обстоятельствах не оставалось ничего иного, кроме позорного бегства.

Я брела по опустевшим улицам, которым все в этот зимний вечер предпочитали тепло своих домов, пытаюсь найти ответ на мучительный вопрос.

- Как же так? Почему я должна была оказаться в такой нелепой ситуации?

Я прекрасно понимала, что дело не во мне лично – любой, практически любой из моих еврейских знакомых, окажись на моём месте, выглядел бы так же по-идиотски, как и я.

- Почему же для всех это так естественно – знать свои тосты, свои песни. И только мне пришлось выдумывать этого «шалом алейхема».

-И почему, собственно, «шалом алейхем»? – я уже принялась себя ругать. – Ведь есть же «лехаим». Ведь я же столько раз слышала «ле- хаим». Почему же я забыла об этом? А вдруг кто-то из ребят запомнил то, что я там наболтала? И вдруг он начнёт где-то об этом рассказывать? И там, конечно, будут те, кто в курсе дела. И его поднимут на смех с этим «шалом алейхемом». Какой позор!

Однако жизнь продолжалась. В ней было так много интересного, что постепенно и этот эпизод скатился на задворки памяти. "Национальный вопрос" по-прежнему ограничивался интересом к Израилю, который, живя в студенческом общежитии, я могла удовлетворить только сведениями из советских газет. И лишь возвращаясь в Одессу, куда наша семья вернулась после демобилизации отца, я узнавала новости по "вражьим голосам", как мы в шутку называли "Голос Израиля", "Голос Америки", "Немецкую волну", "Би-Би-Си" и "Радио Свобода".

Но это была скорее информация о текущих событиях. О сионизме я, как и раньше, не знала ничего, чем привела в недоумение своего нового знакомого, который считал себя сионистом и даже выучил еврейский алфавит.

- Да ты хоть знаешь, кто такой Жаботинский? – спросил он меня однажды.

- То есть как это? – возмутилась я. – Конечно, знаю. Это чемпион мира по тяжёлой атлетике.

3. Развод с родиной

Отказ

К тому моменту, когда, наконец, и наша семья созрела для отъезда из СССР, Израиль и коробочка с газетными вырезками уже остались в романтическом прошлом и никак не связывались с практичным будущим. Мне, и остававшейся еще в Союзе части нашей семьи, предстояло присоединиться к другой части нашей семьи, которая уже поселилась в США.

- В выезде вам отказано из-за недостаточной степени родства, – так сказали в ОВИРе.

В начале я даже не поняла, что это значит. Мне объяснили, что, если бы у меня "там" были родители, меня бы выпустили, а ко всяким тетям нечего ехать.

-Тут будете сидеть! – злорадно добавила чиновница уже от себя.

От этих внезапно свалившихся на голову отказов все обалдели. Я почему-то запомнила, как одна уже пожилая женщина пришла в ОВИР, надев на грудь свои медали и ордена, и принялась доказывать чиновникам, что ей положен выезд из СССР, так как она принимала участие во Великой Отечественной войне и у неё перед Родиной есть заслуги. Получалась полная чушь: она воевала за Родину, чтобы обрести право от Родины избавиться.

Массовое недовольство привело к тому, что ОВИР превратился в место встреч огромных толп, в среде которых начали формироваться группы протеста. Появились новые знакомые, новые заботы, новые темы разговоров, новая лексика.

Я не могла представить себе, что окажусь в этой ситуации. Меньше всего на свете мне хотелось выяснять отношения с советской властью. Мне ведь от этой власти ничего не было нужно. Всё, о чём я мечтала, – зафиксировать официальным разводом давнее охлаждение отношений: вы здесь – я там.

По случаю - правозащитница и подпольщица

Тем не менее советская власть сама навязала мне новые взаимоотношения, которые менялись по мере смены концепций.

Поначалу это была концепция законопослушных советских граждан. Мы надеялись, что нам удастся найти в работе государственной машины нестыковки и доказать, что, не отпуская нас на свободу, власти действуют не в соответствии с собственными законами.

Мы устремились в библиотеки – читать юридическую литературу. Чиновники постоянно ловили нас на незнании законодательства, и мы поняли их игру как намёк на то, что патент наш работает, просто пока мы недостаточно

владеем материалом. Мы вызубрили назубок все нужные нам законы и сыпали формулировками, как "крупные" специалисты.

И судились. Судились со всеми, в надежде, что на каком-то этапе нам скажут:

- Ну все. Приперли вы нас, товарищи евреи, к стенке. Вы правы, а мы нет. Нарушаем мы советское законодательство.

По прошествии некоторого времени мы догадались, что подобного признания не получим никогда. Концепцию пришлось сменить.

В соответствии с новой концепцией, нужно было доказать, что есть нечто, что выше, чем советские порядки. Есть международные нормы. Есть, наконец, Пакт о правах человека. Вообще человека. Независимо ни от какого государства. И вот, с точки зрения этого Пакта, у нас есть право жить там, где хотим, а государство нам в этом не указ.

Мы вновь устремились в библиотеки для того, чтобы зубрить законы, на сей раз международные. И опять сыпали формулировками.

Теперь уже по судам мы не бегали, а составляли петиции протеста и пересылали их на Запад.

Так, неожиданно для самих себя, мы стали правозащитниками.

Однажды, во время очередной сходки возле ОВИРа, к нам с мужем подошли наши новые знакомые.

- Мы завтра вечером собираемся в одном доме. Хотим организовать кружок иврита. Если у вас есть желание, можете присоединиться.

Как в детском стишке: дело было вечером, делать было нечего.

- Ладно. Придем, посмотрим, – ответили мы.

- Только язык нужно держать за зубами.

- Ясное дело.

Ну вот – теперь нам предстояло стать ещё и подпольщиками.

Поразительная страна – она умудрялась клепать героев даже из тех, кто ими становиться не собирался.

Кружок по изучению иврита оказался достаточно тёплой компанией. Учителем был старый отказник, который получил отказ "по режимным соображениям": в армии копал какую-то яму, а потом ему объявили, что яма-то была не простая, а секретная.

В отказе режимники считались элитой, а мы – "бытовиками", потому что – уж не знаю, кто придумал такую формулировку – у нас был "бытовой отказ", то есть по родству, а не по секретности. ("Как бытовой сифилис, – пошутил кто-то. – Страдаешь, а за что – непонятно".)

Наш учитель стал естественным притягательным центром всей компании.

Во-первых, он просто был толковым парнем. Во-вторых, у него уже был опыт преподавания иврита, и это чувствовалось. В-третьих, он знал, что такое борьба за выезд, и мы могли не только воспользоваться его опытом, но и

присоединиться к тем кругам отказников, с которыми до этого не были знакомы.

Наконец, он был убежденным сионистом, поэтому у него в доме было полно сионистских материалов – книг, израильских журналов и пластинок с израильскими песнями. Все это постоянно пополнялось визитёрами из-за границы.

Именно у него в доме я впервые увидела изображение израильтян не в советской прессе, а в журнале «Израиль сегодня». На снимках были те же люди, которых я пыталась представить себе по фотографиям, вырезанным из газет. Только теперь никто не называл их агрессорами и захватчиками. Это были просто люди, у которых есть имена, биографии, профессии, интересы.

Израиль начал обрастать какой-то плотью. Запоминались названия городов и улиц, учреждений и организаций. Формировалось представление о властных структурах, о политических партиях.

Появились и первые сведения о сионизме как теории и практике еврейской государственности.

Теперь я уже знала, что кроме советского штангиста-тяжеловеса Леонида Жаботинского есть ещё один Жаботинский – Владимир Евгеньевич (Зеев) Жаботинский, идеолог сионизма.

4. Жаботинский

Свой

Я не знаю ни одного человека, который сразу же, с первого слова, стал бы мне таким же близким, таким "своим", как это произошло в случае с Жаботинским – человеком, покинувшим наш мир тогда, когда меня еще на свете не было даже в проекте.

До знакомства со своим первым учителем иврита я не только ничего не знала о Жаботинском, но даже не подозревала о его существовании.

- Хотите почитать? – спросил меня мой учитель, протягивая небольшую книжку из серии книг "Библиотека Алиа", которые распространялись подпольно. Я взяла книгу и прочитала ее название – "Владимир (Зеев) Жаботинский. Избранное".

- Спасибо, с удовольствием – ответила я общей фразой, не подозревая о роли, которую этой книжке предстояло сыграть в моей судьбе.

Но стоило мне открыть ее, как сразу же возникло ощущение судьбоносности момента. И это ощущение меня не обмануло: в мою жизнь вошел человек, подобного которому я никогда прежде не встречала. И через много лет после описываемых событий я, при всем своем оптимизме, прихожу к выводу, что такого человека никогда не встречу.

Ах, Одесса

Жаботинский был моим земляком, одесситом. И это чувствовалось в каждом его слове до такой степени, что, честно говоря, мне до сих пор неясно, как можно понять Жаботинского, не будучи одесситом.

Жаботинский был одесситом во всем: в поступках, мыслях, словах, которые он выбирал. Наконец, в особой энергетике, которая идет от его текстов и которую так или иначе излучает каждый одессит.

Жаботинский обязан был быть одесситом, потому что Одесса, как ни какой иной город, оказалась ареной, на которой проявилось извечное противостояние простого еврейского народа, *амха*, и еврейских пророков. Уголовники и авантюристы международного масштаба с одной стороны и вожди сионизма, среди которых Жаботинский выделялся особым пророческим даром, с другой стороны – такой контраст мог возникнуть только в Одессе. Такие разные, они, тем не менее, впитали в себя нечто, что проникнув в человека, никогда не исчезает.

Одесский еврей мог об этом ничего не знать и, разумеется, об этом никогда не задумываться. Он, вдохнувший одесский воздух в момент своего прихода в этот мир, просто нес в себе изначально гремучую смесь эмоций, идей и скрытых смыслов.

Поэтому одесситов бывших не бывает. Одесса – это навсегда.

Да и может ли быть иначе?

Одесса – город, который евреи заселяли вместе с другими с момента его основания. В Одессе евреям не пришлось приспособливаться к автохтонам, как пришлось в других городах, особенно в крупных культурных центрах. В Одессе евреи сами почувствовали себя автохтонами.

Как-то раз я встречала на перроне Одесского вокзала подругу из Киева. Выйдя из вагона поезда, она показала мне на впереди идущую женщину и прошептала:

- Я ехала с ней в одном купе. Мы всю дорогу беседовали. Но я так и не смогла понять, еврейка она или нет.

- Дай гляну, – сказала я.

Мы ускорили шаг, чтобы оказаться впереди этой женщины. Я оглянулась, посмотрела в лицо спутнице моей подруги и тут же определила:

- Она – украинка из Одессы.

В Одессе евреи до такой степени обрели особое ощущение внутренней независимости и самодостаточности, что наложили особый отпечаток на всех остальных. У Жаботинского это ощущение было в крови. Из-за него, я уверена, уже в 18-летнем возрасте он восстал против *галута*, который неизбежно требует от еврея приспособленчества и мимикрии. Для Жаботинского это было непреемлемо.

И в сионистском движении он отличался тем, что никогда ни к кому не приспособливался и никогда ни у кого не шел на поводу.

Одесса породила индивидуалистов. Молодая Одесса сразу стала культурным центром, в который евреи приходили не только как в новое место, но и как в новое время. Поэтому у одесских евреев очень быстро отпала

необходимость держаться за традиционный кагал, и они с легкостью разрушали все традиционные стереотипы и традиционную иерархию. В Одессе каждый мог начать с начала, без оглядки на то, что предписано, из-за чего раввины даже назвали Одессу воротами в *гейгеном* (гиену огненную).

Внезапность, с которой одесские евреи оказались в цивилизации, породила у них необычайную, доходящую до смешного уверенность в собственных силах. Я вспоминаю, как один одесский еврей рассказывал мне, каким образом, по его мнению, была создана Армия Оборона Израиля. Все, оказывается, очень просто: одесские евреи организовали отряды самообороны для защиты от погромов, потом пошли в порт, сели на пароход, высадились в Хайфе и создали армию.

Заметив мой ироничный взгляд, он вскипел:

- Вы мне не верите? Я вам точно говорю. Послушайте, у меня есть один человек. Он знает. Он мне рассказывал.

У Жаботинского тоже была эта особая уверенность в собственных силах, благодаря которой он практически в одиночку противостоял своим могущественным противникам. Их многочисленность его не пугала, потому что он верил в свою правоту. Его травили, а он шел своим путем.

- Я бы не смог работать в такой атмосфере ненависти, среди враждебных мне людей. – сказал ему как-то Хаим Вайцман.

А Жаботинский мог. Наверное, поэтому автор книги о Жаботинском дал ей название "Одинокий волк".

Националист Жаботинский был интернационалистом в самом высоком смысле этого слова. Где же еще могло возникнуть это сочетание несочетаемых, казалось бы, качеств?

В Одессе могло. Одесса дышала пьянящим воздухом порто-франко. В Одесском порту всегда звучала речь на разных языках, а само население Одессы изначально было интернациональным. И именно в этом интернационале евреи проявили свою национальную самобытность, более, чем где бы то ни было.

Сочетание несочетаемого проявлялось у Жаботинского во всем, что он делал. Он был европейцем в самом высоком смысле этого слова, но был лишен заносчивости, от которой почти поголовно страдают "культурные" ашкеназы, евреи европейского происхождения. Он любил восточных евреев за их теплоту и даже шутил, что, если бы ему довелось родиться еще раз, он бы предпочел родиться сефардом. Он занимал непоколебимую националистическую позицию в отношениях с арабами, сопротивлявшимся возвращению евреев на Землю Обетованную, но в будущем еврейском государстве видел арабов равноправными согражданами. Ради национального дела, которому Жаботинский посвятил свою жизнь, он был готов сотрудничать и с националистами-нееврейцами, из-за чего против него ополчились не только евреи-националисты, но и евреи-интернационалисты.

Но Интернационал Жаботинского был прямой противоположностью выдуманному Интернационалу марксистских сектантов. Его Интернационал

обретал право на существование лишь при условии взаимопонимания и сотрудничества националистов.

Жаботинский повлиял на многих евреев. И я не являюсь исключением, хотя повлиять на меня до Жаботинского не удавалось никому. Случилось ли бы это, если бы Жаботинский не был одесситом, судить не берусь. Знаю только, что, стоило мне открыть его книгу, как сразу же я поняла, что со мной говорит не просто единомышленник. Со мной говорит мой земляк.

Диалог

Я читала работы Жаботинского, написанные 70 лет назад, и не могла поверить своим глазам – он фактически писал о наших проблемах, о проблемах современных евреев, но понимал их так, как никому из нас и в голову не приходило понимать.

Нынче о Жаботинском в основном вспоминают из-за его жесткой позиции в отношениях с арабами. Но в те времена я была очень далека от "арабской проблемы". Я знала, что израильяне постоянно воюют с арабами, но не удивлялась этому, так как свыклась с мыслью: там, где есть евреи, там есть и антисемитизм. А так как с антисемитизмом я была знакома в его украинском варианте, то и арабы в этом смысле мне представлялись чем-то вроде украинцев Ближнего Востока.

У Жаботинского меня потрясло совсем иное – его категорическое неприятие *галута*. И я вдруг поняла, что такое же категорическое неприятие *галута* свойственно и мне. Только до Жаботинского я об этом не знала. И вдруг узнала.

Его тексты до такой степени порождали у меня ощущение физического присутствия автора, что порой казалось, будто их озвучивал живой человек. Любой поворот его мысли вызывал биение сердца. Любая брошенная фраза как пучком света высвечивала не только ту ситуацию, в которой находился он, но и ту, в которой находилась и я, так как сама ситуация по сути своей не изменилась. Любая его реплика вызывала желание ответить репликой "и я так думаю, и у меня произошел похожий случай".

- А ведь знаете, Владимир Евгеньевич, со многими из нас случилось то же самое, что и с Вами после Кишиневского погрома. Только у нас это был не Кишиневский погром, а Шестидневная война.

Так начался мой Диалог с Жаботинским, который продолжается всю жизнь.

Я читала эту книгу с остановками. Эмоции захлестывали, ассоциации возникали сами собой и я вспоминала – вспоминала о том, что, давно, казалось бы, скатилось на задворки памяти.

*

Статья "Еврейская крамола".

Жаботинский пишет о евреях, которые массами устремились устраивать судьбы других народов. Судьба же собственного еврейского народа выпала из их поля зрения. У Жаботинского высшим приоритетом была еврейская судьба. И не потому, что евреи лучше и важнее других, а потому что это неестественно, порочно, смешно – решать проблемы всего человечества и плевать на проблемы собственного народа.

"Я не служу и не хочу служить ничему из всего того, что вам дорого. У вас там есть свои идеалы: я их ценю, но в руках у вас они смешны и бесплодны; поэтому я издеваюсь над ними и над вами."

И я вспомнила о своем приятеле, еврее, который всегда позиционировал себя как человека беспристрастного, прямого и честного. Он на добровольных началах вел какой-то кружок для детей, куда по моей наводке записался и сын моей подруги, еврейский мальчик с характерной еврейской внешностью. Однажды на занятиях дети начали обзывать этого мальчика "жидом" и откровенно травить его. И мой приятель, якобы беспристрастный и честный, сделал вид, будто ничего не происходит. Зато с какой болью он рассказывал мне о том, как, вернувшись из похода, узнал, что в Чили произошел переворот и президент Альенде убит!

Моя реакция на его рассказ о Чили была точь-в-точь такой, как писал Жаботинский: **"У вас там есть свои идеалы: я их ценю, но в руках у вас они смешны и бесплодны; поэтому я издеваюсь над ними и над вами"**

- В Чили переворот! – со смешком воскликнула я. – А ты здесь при чем? Где ты и где Чили. Тебя вон в Болгарию еле выпустили после собеседования в парткоме, да и приставили к тебе гэбэшника, чтобы ты вел себя, как надо, и никуда не сбежал. Хотя куда можно сбежать из Болгарии?

И в самом деле смешно, когда мой приятель, который, как и все советские люди, сидел в железной клетке, вдруг начал воображать себя борцом за мировую справедливость. Идеалы обесцениваются именно потому, что ими занимаются такие, как он.

Его показную скорбь по поводу судьбы Альенде я не связала с трусливым поведением в истории с сыном моей подруги. Впрочем, тогда я и не видела ситуацию таким образом, каким увидела ее после знакомства с Жаботинским.

*

Другая статья "Наше бытовое явление".

Жаботинский пишет об евреях, которые назойливо лезут в души к другим народам, упорно игнорируя плевки, которыми их осыпают юдофобы. И чем больше в евреев плюют, тем они больше в душу лезут. Во времена Жаботинского евреи лезли в крещение. Однако дело не в крещении как таковом, а в том, что крещение требовало перехода через некую красную черту, которую нельзя было переходить. Не о религии пишет Жаботинский, а о лицемерии: люди не чувствовали, что есть вещи, которые делать нельзя. Просто нельзя и все тут.

"Прежде, в эпоху подъема и до него, было всем ясно само собою, что на человеке лежит некий долг и что ему не все позволено: каждый понимал этот

долг по-своему, но атмосфера некой нравственной дисциплины ощущалась повсюду, на каких угодно нравственных задворках."

- А знаете, Владимир Евгеньевич, – в сердце своем обратилась я к нему, – у нас крещение теперь неактуально. Но суть-то ведь осталась та же: есть красная черта, которую нельзя переходить. А евреи наши ее переходят и не морщатся даже. Я вспоминаю, как однажды на одной из вечеринок кто-то запел белоэмигрантский романс "Поручик Галицын". Я глянула на лица наших еврейских интеллигентов и рассмеялась. Нет, они и в самом деле воображали себя однополчанами поручика Галицына и корнета Оболенского. Они как-то умудрились позабыть и об естественном антисемитизме всех этих "галицыных и оболенских", и об унижительных ограничениях, которые существовали для евреев в царской армии, и о кровавых еврейских погромах, на которые все эти "галицыны с оболенскими" были так горазды. Меня спрашивали "Почему ты хохочешь?" А я и сама не могла объяснить, почему: ну смешно это и все тут. Теперь объяснить бы смогла.

*

Еще одна статья "Странное явление".

Другая, вроде бы, тема, но по существу о том же, о неприятии *галута*, я бы даже сказала, о каком-то брезгливом отношении к нему, об интимности национальной атмосферы, которая легко разрушается при беспардонном вмешательстве чужаков. Жаботинский передает слова, которые произнес один интеллигентный еврей, внимательно наблюдавший за тем, что происходит, когда евреи вмешиваются в русскую культуру.

" - Я вот что здесь наблюдаю уже не в первый раз, - сказал он. - Возникает какое-нибудь общество или, скажем, литературный орган: основатели его – русские имена....Когда дело наладится и машина пущена в ход, первое время все идет нормально. Русская публика интересуется, участвует, посещает, читает и сама пишет. Но со второго или третьего месяца начинается наплыв евреев. Основатели радушно их принимают, даже очень рады – знаете, нет ведь ничего добродушнее и искреннее хорошего русского интеллигента; он, право, по большей части и не замечает, кто вы такой. Через несколько недель ваша аудитория полна евреев. И тогда вы начинаете замечать странную вещь: по мере того, как прибывают евреи, убывают русские. Не только в смысле процента, но абсолютно. Где их прежде было 100, там их остается 20. Уходят. Не ругаются, не сердятся, не жалуются, вообще ничего не говорят, а просто отстраняются. Спросишь их: почему? Сами не умеют объяснить. Да, да, Вы правы, надо будет опять записаться, просто, знаете ли, вылетело из головы..."

- Если бы Вы знали, Владимир Евгеньевич, как мне неприятно об этом вспоминать. Это случилось на одной из студенческих вечеринок. Там была одна девушка, русская, звезд с неба она не хватала, но была очень способной и добросовестной. Не помню уж, о чем зашел разговор, но она вдруг сказала: "Я чувствовала себя неуютно и в школе, и в институте, потому что везде было много евреев". Что тут началось! На нее все заорали "антисемитка, антисемитка". Больше всех орал хозяин дома, сам, кстати, русский. Наверное,

чтобы в антисемитизме не заподозрили его. Потом ее выгнали. Но я хорошо ее знала. Она не могла быть антисемиткой. И не из-за евреев, а просто она и была той самой **русской интеллигенткой, добродушной и искренней**. Она принципиально не могла быть "анти". Я чувствовала, что она сказала что-то очень правдивое: и в самом деле евреи создают какую-то иную атмосферу, в которой другим может быть некомфортно. Но ведь русские же живут в своей стране. Куда же им деваться?

Тогда я промолчала. Но что я должна была сделать? Выступить на ее стороне? Меня бы все равно никто не понял и сочли бы сумасшедшей. Я ведь только теперь понимаю саму проблему. Здесь никто не виноват. Просто не нужно лезть в чужой дом. Нужно строить дом собственный.

Это уже был вывод, к которому подводила позиция, занятая Жаботинским.

*

И вдруг пощечина: статья "О евреях в русской литературе". Эта статья сразила меня наповал, вернее даже не статья, а одна фраза из этой статьи.

"Где переночевали, там и присягнули, а выйдя вон - наплевали? Эх, вы, патриоты каждого полустанка..."

Жаботинский пишет о евреях *галута* как о временщиках, обустроивающихся в каждом новом "отечестве" как бы навсегда, однако с легкостью отрекающихся от святынь этого "отечества", стоит лишь перебраться на новое местечко и вообразить его очередным "отечеством".

Этот миг я хорошо помню. Так поворот выключателя меняет ситуацию: темная комната вдруг становится освещенной и ты начинаешь ясно видеть предметы, которые невозможно было даже различить во тьме. **Патриот каждого полустанка...**

Я не желаю быть **патриотом каждого полустанка**.

Учитель

Еврейские мудрецы учили народ: "Выбери себе Учителя. И его Тора станет твоей Торой." В данном случае я именно так и поступила. Жаботинский стал для меня Учителем и его Тора стала моей Торой.

Прекрасный публицист, трезвый аналитик, верящий в своё дело человек – он был убедителен, как никто. Вчитываясь в его мысли, я впервые поняла, что значит быть честным человеком. Это не имело ничего общего с честностью и порядочностью в восприятии советской интеллигенции, особенно еврейской.

Жаботинский учил меня вере в наш народ вопреки многочисленным фактам, способным эту веру подорвать и уничтожить. Он учил меня бескомпромиссности в отстаивании своих принципов. У него я научилась анализировать ситуацию, опираясь на логику, а не авторитетные мнения, трезво смотреть на вещи и называть их своими именами.

Жаботинский вселил в меня веру в сионизм и открыл глаза на антисемитизм как на явление естественное, которого не нужно ни пугаться, ни

возвеличивать - дескать из-за антисемитизма евреи побежали возрождать государство.

Из его статей я поняла, что ставка на антисемитизм в великом деле возрождения Сиона не только унизительна, но и не оправдана. Как бы ни сталкивался еврей с антисемитизмом, все в конечном счете зависит от того, какие выводы он делает из этого столкновения. Для меня убедительными были только выводы Жаботинского.

Я закрыла книгу. Посмотрела вокруг и вдруг увидела, что мир изменился. В этом новом мире совсем иначе, чем прежде, были расставлены акценты, явления иначе связывались друг с другом.

Мысль о том, что существует на земле место, где вся жизнь устроена "по Жаботинскому", и этим местом может быть только Израиль, заставила меня всерьез задуматься, куда мне путь держать.

Разумеется, одна книжка не может так повлиять на человека, чтобы он полностью изменил свои планы, разочаровав окружающих близких людей и неизбежно разорвав людские связи, которые создавались и укреплялись на протяжении всей жизни.

Но одну вещь одна книга все же сделать может и сделала. Она может пробудить и заставить заговорить то, что до этого дремало и молчало – Голос Крови

5. Голос Крови

Антисемитизм "по-детски"

С антисемитизмом в той или иной форме практически сталкиваются все евреи. И в этом нет ничего удивительного.

Любой инородец всегда чувствует сам, что он иной и воспринимается другими как иной, а евреи на славянском фоне выделяются своей инаковостью.

Любой инородец может столкнуться и с тем, что окружающее его большинство инстинктивно отторгает его, так как его внешний вид, типичные качества его характера, его реакции на события слишком отличаются от внешнего вида, качеств характера и реакций на события этого большинства.

Однако на евреев это общее для всех инородцев положение не распространяется. Евреи - инородцы особые, а антисемитизм - это вовсе не одна из разновидностей ксенофобии.

Отношение к евреям корнями уходит в религию и поэтому пронизывает всю культуру, в основе своей всегда религиозную. И в этом нет ничьей вины. Напротив, это как раз закономерно, потому что не может быть обычным отношением к народу, который принес в мир идею, изменившую саму основу жизни всех народов, – Идею Единого Б-га, вовлеченного в жизнь людей.

И не имеет никакого значения, насколько люди близки или далеки от религии как таковой, верят ли они или не верят в существование Б-га.

Ощущение инаковости евреев пропитывает как еврейскую, так и нееврейскую традицию и передается на подсознательном уровне из поколения в поколение.

И ничего с этим сделать нельзя.

Мне чувство инаковости было знакомо с детства.

В Одессе, где жила вся наша семья и куда мы приезжали во время отпуска отца, это чувство пропадало. В Одессе можно было наслаждаться тем, что ты среди своих, среди тебе подобных. Тот, кому не знакомо чувство инаковости, это подсознательное ощущение своего изначального, не зависящего от тебя отличия от всех, не может оценить это блаженство.

В гарнизоне чувство инаковости появлялось. Иногда оно обострялось чрезвычайно, что неудивительно, если учесть, что гарнизон был окружен украинскими селами. Я помню, что в детстве постоянно слышала, как попрекали офицерские жены сельских жителей, что те, дескать, Украину немцам продали. Что же касается евреев, то одно несомненно — в отношении к евреям немецкие оккупанты находили понимание со стороны местного населения.

И вот теперь, после войны, некоторые из сельских детей были моими одноклассниками и друзьями.

В гарнизоне среди сплошного славянского населения я выделялась своей инаковостью. Поэтому естественно, что как только вспыхивала ссора, тут же возникал и "национальный вопрос".

Жид, жид, жид. По веревочке бежит.

А веревка лопнула и жида прихлопнула.

Так кричали мне дети, когда мы ссорились.

Но и я не отставала. Считаю вопреки очевидному, что мы находимся в равном положении, я выскакивала на крылечко, руки в боки и вперед - свой ответ обидчикам:

Шел хохол – насрал на пол

Шел кацап – зубами цап!

И лишь одно мне было непонятно – почему когда про "жида", так их так много, а когда про "кацапа" и "хохла", так я совсем одна.

Тем не менее меня это обстоятельство не угнетало. Было слишком много вещей, которые радовали и всех объединяли.

Стоило кому-нибудь вытащить мяч, велосипед или затеять игру, как ссоры забывались и все опять были вместе. А уж после сильного летнего дождя вообще было не до ссор. На улицу все выбегали босиком, потому что предстояло заняться исключительно важным делом — измерить глубину окрестных луж и найти самую глубокую.

Любопытно то, что такое "детское" восприятие антисемитизма у многих с возрастом не меняется. Просто когда дети вырастают и становятся взрослыми людьми, место такой исключительно важной вещи, как измерение окрестных луж, занимают иные важные вещи, по сравнению с которыми чувство инаковости кажется чем-то второстепенным.

Такой важной вещью может быть что угодно: чаще всего ею становится профессия, особенно профессия творческая; часто общие увлечения, какими, например, стали для многих евреев туризм, КВН, бардовская песня; наконец, мировая культура, которая объединяет ее ценителей намного больше, чем кровные узы с соплеменниками, чьи интересы ограничены проблемами собственного племени.

Евреев, для которых все эти вещи имеют первостепенное значение, никакой антисемитизм не загонит в Израиль. В какой бы форме они не столкнулись с антисемитизмом, они всегда найдут вполне логичные доводы, чтобы доказать себе и другим – да нет никакой такой инаковости евреев, да выдумки это все и даже если она, инаковость, и существует, не нужно на нее обращать внимания. Она – это не самое главное в жизни. Есть в жизни вещи и поважнее.

*

Потребность людей нашего племени по-детски в это верить иногда доводит их до абсурда.

Вспоминаю одну телевизионную передачу, в которой бывший советский еврей объяснял, почему он решил поселиться в Германии.

Ситуация, которая вырисовывалась из его слов, была понятна: в Германию решил уехать сын, а уж ничего иного не оставалось делать, как последовать за ним. Но героя передачи эта банальная истина не удовлетворяла. Он хотел большего. Он жаждал внутреннего согласия с самим собой, ему необходимо было убедить самого себя, что есть вещи и поважнее, чем всем известная реакция немцев на еврейскую инаковость.

И для доказательства герой передачи решил поведать собственную историю.

Оказывается, во время Второй мировой войны он жил в местечке, куда вошли немецкие войска. Всех евреев, включая всю его семью и его самого, собрали на окраине и расстреляли. Расстреляли всех, в том числе и его. Однако по счастливой случайности пуля его миновала, и как только стемнело, он, целый и невредимый, вылез из ямы, в которой навсегда остались лежать его мать, сестры и братья, ушел, скрывался и как-то выжил.

Казалось бы, ну что ему-то делать в Германии? Ну, в крайнем случае, если уж обстоятельства вынудили его поселиться в Германии, сидел бы тихо и наслаждался спокойной старостью.

Ан нет, тихо не сидится. И вот начинает наш герой рассказывать, что все, что с ним случилось в детстве, значения не имеет. И почему? Оказывается, Германия совсем другая нынче и самое главное — бундесвер теперь иной.

Я не живу в Германии и не знаю, какой нынче бундесвер. Я только беру на себя смелость утверждать, что и наш герой тоже этого не знает, ну, не может он этого знать. Даже если предположить, что он прекрасно овладел немецким, и полноценно участвует в жизни немецкого общества (что, как мы понимаем, невозможно и из-за его статуса иммигранта, и из-за его почтенного возраста), он уж точно не имеет никакого доступа к бундесверу.

Но ему необходимо по-детски убедить само себя, что вся эта еврейская инаковость — просто ничего не значащая ерунда. Есть вещи более важные, те, что сближают людей. И вот доказательство — благоприятные перемены, которые произошли в Германии до такой степени, что даже "бундесвер теперь иной".

Казалось бы, такая биография у человека.

Да он первым должен был бы бежать в Израиль с криком "никогда больше!". Но он не побежал. Напротив, он поселился там, где, вероятнее всего, убийца его матери, его сестер и братьев живет и здравствует.

Есть для этого еврея, очевидно, вещи и поважнее.

Нет! Для того, чтобы еврей осознанно вернулся на родину предков, антисемитизма недостаточно. Должно быть нечто большее. Должен зазвучать внутри Голос Крови, зазвучать настолько властно, чтобы в заданном им тоне все "более важные вещи" воспринимались, как детский лепет.

Мой Голос Крови сонно дремал, пока я не взяла в руки маленькую книжку из "Библиотеки-Алия", на обложке которой было написано "Жаботинский. Избранное".

Почему именно на меня так подействовала эта книга? Очевидно потому, что мой Голос Крови лишь ждал, когда же его, наконец, разбудят. Он уже в детстве напоминал о себе и о своей готовности проснуться, только я этого не понимала.

Лишь потом вспомнила, что был один, вроде бы незначительный эпизод, в котором это проявилось.

Дуэль

Было мне лет 10. В этот день я пришла в школу раньше обычного. Я — дежурная санитарка. На боку у меня висит белая сумочка с красным крестом. В мои обязанности входит проверка ушей и воротничков моих одноклассников. Грязненько велено в класс не пускать.

Этот мальчик, мой одноклассник, был из, что называется, неблагополучной семьи: папа пил, о маме ходили всякие слухи, из чего неизбежно следовало — родителям не до ребенка. В качестве санитарки я тут же это и обнаружила.

- В класс не пущу. У тебя уши грязные.

Он он в ответ:

- Ах ты, жидовка!

От вспыхнувшего гнева забываю, какое ответственное дело мне поручено, оставляю свой пост, подсакиваю к нему и из всех сил, не глядя, ударяю кулаком.

Удар пришелся в лицо. Он опешил и хотел дать сдачи, но побоялся затевать драку в школе: я-то считалась хорошей девочкой, а вот он — плохим мальчиком.

- Ладно. Приходи в 4 четыре часа на горку. Поговорим.

Меня вызвали на дуэль, и местом дуэли назначена горка.

Горкой мы называли холм между домами, куда зимой все ходили кататься на санках, на лыжах, на досках – неважно, на чем. Главное – лететь стремительно сверху вниз. От всех этих съездов снег на горке утрамбовывался, и она покрывалась твердой коркой.

И вот на этой арене должна была состояться дуэль.

Весь день я обдумывала, что мне делать.

Пожаловаться? Но кому? Учителям бессмысленно — не будут же они меня защищать после школы. Родителям тоже бессмысленно – не будут же они со мной везде ходить. Скажут дома сидеть, а я гулять люблю. Не пойти? Нельзя, жизни после этого не будет. Попросить помощи? Но у кого?

Была у меня закадычная подружка, девочка из белорусской семьи, светлый человек и внешне, и внутренне.

Не было секрета, который я бы не могла поведать ей, а она мне. После школы мы не могли расстаться, так много нужно была рассказать друг другу.

Мы подходили к подъезду ее дома всегда в середине самого интересного рассказа. И тогда я произносила неизменную фразу.

- Ну, проводи меня до моего подъезда, и я тебе доскажу.

Посреди дороги начинался новый рассказ, причем тоже самый-самый интересный, и когда мы оказывались возле моего подъезда, ту же фразу произносила она.

- Ну, теперь ты меня проводи, и я доскажу.

И так по нескольку раз.

На нашу с ней дружбу никак не повлияло даже то, что влюбились мы в одного и того же мальчика. Поразмыслив немного и решив, что дружба важнее любви, мы написали ему совместную записку: "Игорь. Мы тебя любим."

И вот теперь впервые в жизни я решаю, что ничего ей не скажу.

Я вдруг решаю, что ЭТО ее не касается. С ЭТИМ я обязана справиться сама.

Игоря можно любить вместе, а ЭТО – мое личное дело.

Я быстро приготовила уроки, сказала маме, что иду гулять, и отправилась на дуэль.

Это ощущение забыть невозможно: 10-летняя девчонка вдруг обнаруживает, что в этом мире она совершенно одна.

Я иду на горку – маленькая одинокая точка на огромном пространстве, покрытом снегом.

Вдоль моего пути стоят высоченные сосны, стоят, как стража. Сколько раз они вовлекались в наши детские игры — за ними я пряталась, когда мы играли в прятки, к ним привязывала гамак. И вот теперь стоят они чужие, отстраненные, задрав к небу свои кроны — делают вид, что меня не знают, со мной не знакомы.

А земля!.. Сколько раз я прижималась к ней, сколько игр она дарила: в земле можно было закопать "секрет" — вырыть ямку, положить на дно фольгу, накрыть стеклышком и — "секрет" готов; а можно было вырвать траву с корнем, заплести корни в косы, и готова кукла. И вот теперь я ощущаю ее холод под ногами, как-будто земля отталкивает меня.

Издали я замечаю его. Он стоит в толпе мальчишек, и я пугаюсь: "Неужели они все вместе набросятся на меня?" Я продолжаю идти и вдруг чувствую, что мне становится отчаянно обидно: "Вот ведь, ему-то было кого позвать с собой, а мне некого, совсем я одна".

Дрались мы честно, один на один. Но ощущение осталось: их-то много, а я одна.

Операция "Энтеббе"

Об этой дуэли я, казалось, забыла. Много лет прошло с тех пор, и множество событий произошло, событий значительно более важных, чем детская драка.

Оказывается, нет, вовсе не забыла. И не из-за самой драки: я не забыла то чувство вселенского одиночества, которое испытала, когда шла на дуэль.

Оно вернулось совершенно неожиданно.

Книга Ури Дана "Операция Энтеббе" ходила по рукам. Как и всю прочую подпольную литературу читать ее нужно было быстро, чтобы прочитало как можно больше народу. Но в данном случае подгонял еще и стремительно развивающийся сюжет.

Немецко-арабская группа захватила самолет компании "Эр-Франс", совершавший полет по маршруту Тель-Авив - Париж. Угонщики провели селекцию среди пассажиров, отделив евреев от неевреев. Евреев согнали в здание угандийского аэропорта Энтеббе и обещают расстреливать, если требования захватчиков не будут удовлетворены. Перед израильским руководством встает вопрос – что делать? Идти на поводу у шантажистов? Не уступать им и допустить массовую гибель евреев-заложников? Или совершить невероятное – провести операцию в далекой стране и освободить евреев?

Руководители государства выбирают последний вариант.

Ури Дан очень живо описывает, как проходила вся операция: обстановку в стране, сомнения и расчеты руководства, поведение непосредственных участников операции.

Чтиво захватывающее. Текст буквально заглатывается.

И вдруг остановка.

Я подошла к тому месту, где описывается, как израильские самолеты, покинув переделы Израиля, взяли курс на Уганду.

Непосредственно перелету Израиль - Уганда Ури Дан посвятил всего несколько абзацев. Но из-за маленьких подробностей, о которых он лишь вскользь упомянул, на меня нахлынули воспоминания.

Вроде ничего особенного в этих подробностях и не было: услышав "добро" при вылете за воздушное пространство Израиля, пилоты отключили связь; увидев под собой советские корабли, обслуживающие арабов, приступили к выполнению опасных маневров, чтобы не попасть в зону действия неприятельских радаров.

Но я думала о другом.

Я вдруг представила себе, как летят они среди огромного небесного пространства, одни-одинешеньки. Они не имеют права на малейшую

оплошность, потому что все, что их окружает, им враждебно. Даже вспышки молний освещают их как-будто для того, пишет Ури Дан, чтобы показать их незащитность. И я вдруг вспоминаю, как такой же незащитной девчонкой шла совсем одна среди другого пространства — снежного.

Они летят и не знают, чем все это кончится, понимают, что кончиться может совсем плохо, но не могут не лететь. Нет выхода. И я тоже тогда понимала, что выхода у меня нет, что не идти на дуэль я не могу.

Они прекрасно знают, что не на кого им рассчитывать, что против них все — все, все, все. И даже те, кто могли бы посочувствовать им и помочь, боятся столкнуться со всеобщим и единодушным общественным мнением, у которого Израиль всегда виноват. А вот угонщики вовсе не чувствуют себя одиночками. Напротив, у них полно сочувствующих, всегда готовых их оправдать. И я вспоминаю, как стало мне когда-то обидно до слез: "Вот ведь, ему-то было кого позвать с собой, а мне некого, совсем я одна".

Нет, Ури Дан об этом не писал. Он родился в Израиле, с детства привык к другим проблемам, совсем иначе смотрел на мир. А значит и ассоциации у него были иными.

Ему ведь не приходилось идти одинокой точкой среди огромного пространства, покрытого снегом.

"И пошли оба вместе"

Вот опять проходит время и передо мной уже совсем другая Книга.

Но почему же это чувство возникает вновь, совсем не меняясь?

"На третий день возвел Авраам очи свои и увидел то место издалека. И сказал Авраам отрокам своим: "Сидите здесь с ослом, а я и этот отрок пойдем туда и поклонимся, и возвратимся к вам". И взял Авраам дрова для всеожжения и возложил на Ицхака, сына своего, и взял в руку огонь и нож; и пошли оба вместе. И сказал Ицхак Аврааму, отцу своему, говоря: отец мой! И он сказал: вот я, сын мой! И он сказал: вот огонь и дрова, а где агнец для всеожжения? И сказал Авраам: Б-г усмотрит Себе агнца для всеожжения. И пошли оба вместе"

И пошли оба вместе — только Авраам и его сын. Остальных Авраам остановил: посидите здесь, не ходите туда, не переступайте черту.

ЭТО не для вас. Вы ЭТОГО не выдержите.

Наконец иррациональное чувство еврейской инаковости обрело рациональный смысл.

Когда начинаешь понимать ее первопричину, инаковость не пугает и не кажется странной. Напротив, она логична, потому что начало ей положили слова Авраама: **"Сидите здесь с ослом, а я и этот отрок пойдем"**.

Евреи отделены от других народов вовсе не конфессией.

Конфессий существует множество и все они разные. Каждая из них претендует на владение истиной — на то она и конфессия.

Но разве кому-то удалось доказать на деле безусловную истинность своей конфессии? Преимущества, которыми совершенно очевидно обладают

одни конфессии, с лихвой восполняются их недостатками. Да и спорить на эту тему, похоже, многим уже не хочется: слишком серьезен опыт религиозных войн с ничейным результатом.

Евреи отделены от других народов иной логикой существования и развития. Ее-то и подсказывает Голос Крови, причем даже тогда, когда сама конфессия из жизни исчезает, как это произошло с советскими евреями за железным занавесом. Потому и знают евреи об ЭТОМ даже тогда, когда никто им ничего об ЭТОМ не рассказывает и ничего не объясняет.

Причем на подсознательном уровне ощущают ЭТО не только евреи. Ощущают ЭТО и неевреи. И причины здесь очевидны.

У всех народов есть земля предков, но земля евреев — это не земля их предков, а Земля Обетованная. Поэтому все народы укоренены в своей земле, а евреи, имея такого Дарителя, — вечные странники.

Разве можно этого не ощущать? Подсознательно, без злобы — разве можно не чувствовать, что еврей всегда в пути, что он по сути не укоренен нигде, вездесущ, но везде случаен?

Он и сам этого не хочет, из кожи лезет вон, чтобы пустить корни в земле, где родился и вырос. Он хочет строить на этой земле, внести свой вклад в ее развитие, быть гражданином и патриотом. И он несомненно искренен в своем намерении.

Однако достаточно какого-нибудь повода — и все, еврей уже пакует чемоданы.

А ведь все стремятся к цели прямо противоположной — покою и устойчивости.

Каждый народ, обустроивая территорию своих предков, создает то, что остается даже тогда, когда сам народ прекращает свое историческое существование. Он создает уникальную культуру, создать которую способен только он.

Дух каждого народа ищет и находит собственные возможности материализации. Вот Авраам и говорит: **"Сидите здесь с ослом"**. И не в осле дело: "осел" (на иврите "хамор") того же корня, что и "хомер" — "материя".

Это вовсе не значит, что народы — материалисты. Просто их дух особым образом материализуется, фиксируя свой опыт в творениях культуры. Эти творения реальны, на них можно указать, о них можно рассказать, с ними можно познакомиться, к ним можно прикоснуться, показать и передать другим.

А у евреев? Ведь прикоснуться не к чему. Все синагоги, разбросанные по всему миру, не являются памятниками еврейской архитектуры. Все предметы иудаики, которыми заполнены музеи, никак не отражают дух еврейства.

Все, что есть у евреев, — это Слово. Поэтому так хочется евреям приобщиться к "культуре", так ревностно евреи подсчитывают число своих деятелей, преуспевших на почве "культуры", как-будто зная, что без этого подсчета никто не поверит евреям, что и евреи — культурный народ. Даже термин "аккультурация", которым обозначали приобщение евреев к европейской культуре, указывает, на существование проблемы.

И сколько бы евреи не старались изобразить дело таким образом, будто нет никакой проблемы, все все равно чувствуют подвох и в глубине души евреям не верят.

Это ощущение существует изначально, независимо от чьего-либо желания. Не сегодня оно появилось, а давным-давно, когда разошлись пути-дороги.

Все народы обустроивали свои территории, создавали великие творения своего духа, постепенно наполняя ими сокровищницу цивилизации.

А где-то в песках Синая брел к Горе никому не известный одинокий народ, чтобы первым услышать, сохранить и передать другим слова, обращенные ко всему роду человеческому:

"Я - твой Б-г".

Голос Крови может не произносить эти слова.

Он лишь Ему Одному известным способом озвучивает саму суть проблемы.

Эта суть раскрывается только на Земле Обетованной. И сколько бы усилий ни прилагали люди, вне Земли Обетованной эту суть не ухватить. Она ускользает.

Сколько раз, глядя на своих соотечественников-израильтян, я задавала себе вопрос: "Ну что между нами общего?" Мы ведь по сути даже к расе одной биологической не принадлежим. Какие же мы все разные – брюнеты и блондины, смуглые и белокожие, с чертами лица всех народов, с которыми мы давно уже состоим в кровном родстве.

Почему же я верю в то, что мы – один народ?

И почему я с детства ощущала, что между мной и теми людьми, с которыми вместе росла и училась, смеялась и плакала, которых искренне любила и люблю, с которыми меня упорно объединяли в общий советский народ, всегда существовала невидимая граница, за которой начинается ЭТО?

Я беседовала об ЭТОМ с израильтянами, которые собрались на Земле Обетованной со всего света. И вот что поразительно — как только доходило до ЭТОГО, выяснялось, что мы прекрасно понимаем друг друга.

И это после 2000-летней разлуки!

Практически все, хоть и по-разному, рассказывали о том, что наступил момент, когда и они услышали Голос Крови и он сказал им: "Ну, поднимайтесь! Побродили по свету, а теперь пришла пора возвращаться домой!"

И все это только лишь потому, что каждый откуда-то знает – его судьбу раз и навсегда определили те двое, отец и сын, Авраам и Ицхак, которые когда-то **пошли оба вместе**, чтобы заключить с Б-гом вечный союз и услышать слова обетования, которое никому не дано ни отменить, ни изменить.

6. Дорога к Храму

"Бабушкины" праздники

Слышала ли я когда-нибудь что-нибудь о Б-ге?

Да какое-там! Даже когда мы собирались в доме у бабушек на два главных еврейский религиозных праздника, я не знала, о чем, собственно, идет речь. Мне никто ничего не рассказывал, а поинтересоваться самой мне и в голову не приходило.

Знала я, что есть один праздник, когда мы приходим к бабушке Дворе (которую дома звали Дорой) и едим куриный бульон с мацой (Песах). И есть другой праздник, когда мы приходим к бабушке Эстер-Рухл (которую дома звали Розой). Это такой праздник, когда бабушка Роза ничего не ест и уходит в синагогу, а дедушка над ней смеется (Йом Кипур).

Все это было неинтересно. Все это было из какого-то прошлого.

В общем, "бабушкины" праздники.

Одноклассник-баптист

С Б-гом меня "познакомил" мой одноклассник-баптист. Это было в то далекое время, когда я еще была "образцом советской девочки".

Тогда я уже училась в одесской школе, где мои одноклассники выбрали меня председателем пионерской организации нашего класса. Организация называлась на военный манер - отряд, и я из кожи лезла вон, чтобы "мой отряд" получил переходящее красное знамя.

Моей мечте, однако, не суждено было сбыться, несмотря на все мои старания.

Дело в том, что в нашем классе учился мальчик из баптистской семьи, который ни за что не хотел вступать в пионеры. Когда мы выстраивались в ряд, он один стоял белым пятном на уровне шеи, где у всех остальных развивались пионерские красные галстуки.

Моему пионерскому горю не было меры. Каждый раз, когда я приходила в пионерскую комнату, где мы подводили итоги социалистического соревнования, и определяли победителя, завоевавшего переходящее красное знамя, меня встречал укоризненный взгляд старшей пионервожатой: "Ну что, не справилась со своим баптистом? Не видать тебе переходящего красного знамени!"

Без того, чтобы все дети в классе были пионерены, выиграть социалистическое соревнование, а значит, и получить знамя было невозможно.

Я не могла понять причину его упрямства.

- Ну почему ты не хочешь вступить в нашу организацию? Чем мы тебе не нравимся?

- А почему вы говорите, что пионеры – честные ребята, а сами врете на каждом шагу?

Это озадачивало. Мы так привыкли врать, что не чувствовали в этом никакого порока. А он всегда говорил правду, и мне нечего было ответить ему. Тем не менее я не успокаивалась.

- Как он может быть таким эгоистом? Подводить всех! Из-за какого-то там бога мы не можем получить переходящее красное знамя. Верит в какую-то чушь! Кстати, во что это он верит?

Ситуация требовала ясности, и я отправилась в школьную библиотеку.

- Дайте мне, пожалуйста, почитать что-нибудь про бога – обратилась я к библиотекарше с пионерской прямоотой.

Все, что советскому школьнику полагалось знать "про бога" помещалось на маленькой полочке с надписью "атеизм".

Набрав книг, я начала разбираться в вопросе. В книгах объяснялось, что раньше люди тёмными были, физики не знали. Не понимали, что молния – это электрический разряд, и думали, что бог стрелы в них бросает. А теперь все грамотные и ни во что такое больше не верят.

Все сходилось. Мальчик-баптист плохо учился, из чего я сделала вывод, будто в этом и кроется причина его веры. Так было написано в книге.

И тогда у меня в голове созрел "богоборческий план".

Итак. Я начну его подтягивать по все предметам. И тогда он станет хорошо учиться. А как только он станет хорошо учиться, он, естественно, тут же перестанет верить в бога. И тогда он тут же вступит в пионеры. А вот уж тогда, тогда наш пионерский отряд, наконец, получит переходящее красное знамя.

Он наверняка не мог понять причину, по которой я преследовала его всюду, не давала ему покоя нигде.

- Ты помнишь, что завтра контрольная по математике? Приходи ко мне домой, я повторю с тобой весь материал.

- Ты сегодня плохо отвечал по ботанике. Я могу тебе все объяснить. Я это знаю. А что с русским? Ты выучил правила? Я могу тебе помочь.

"Я могу, я могу, я могу", - я наступала, а он от меня убегал и прятался, где только мог.

Из затеи моей ничего не вышло, но мальчика-баптиста я запомнила на всю жизнь. И эту сцену – как все мы стоим в красных галстуках, а он один – белым пятном.

Уже намного позже, когда мы с друзьями, взрослыми уже людьми, разговорились о вере в Б-га, я вдруг услышала:

- Сильный человек не нуждается в Б-ге. Вера – удел слабых, которым в жизни нужны костыли.

Неправда. Мне в детстве повезло встретить по-настоящему сильного человека. И это был мой одноклассник, мальчишка из баптистской семьи.

Иная природа Духа

Первая мысль о том, что человек, наполненный верой в Б-га, принципиально отличается от того, в ком этой, именно этой веры нет, у меня

появилась намного позже. И вновь человек, который навел меня на эту мысль, не был моим соплеменником.

В то время я училась в консерватории и безумно уставала от звуков. Звуки были везде и всегда: в классах, в коридорах, в библиотеке. Отдохнуть не удавалось и в собственной комнате в общежитии, потому что вокруг жили одни музыканты и звуки неслись со всех этажей с утра до вечера с небольшим перерывом на ночь.

В воскресенье я старалась уехать куда-нибудь "в тишину" - загород, в музей, куда-нибудь, лишь бы было тихо. А в будни просто некуда было деваться.

Однажды я вспомнила, что неподалеку есть действующий собор. Я заходила туда пару раз, но так, как мы, воспитанные атеистами, привыкли заходить в соборы. Для меня все здания, включая соборы, были исключительно памятниками архитектуры, поэтому и интерес сосредотачивался на том единственном, что имело смысл: когда здание построено, кто архитектор, кто художник, архитектурный стиль, план, роспись и т.д.

Чем в соборах занимаются люди, меня совершенно не интересовало и не волновало. Молятся, верят во что-то, но это их личное дело.

В тот день я решила зайти в собор, воспользовавшись полуторачасовым перерывом между лекциями. О соборе я подумала только потому, что вспомнила, как однажды во время посещения собора у меня промелькнула мысль: "Как тихо!".

А мне в очередной раз необходимо было отдохнуть от звуков.

В соборе и на сей раз стояла торжественная тишина. Полумрак. Покой.

И я подумала: "Как жаль, что православные молятся стоя. Молились бы, как католики или протестанты. Скамеечки поставили бы. Тогда можно бы было с книжкой приходить сюда, вместо того, чтобы сидеть в библиотеке, затыкая пальцами уши."

Я стояла с закрытыми глазами, наслаждаясь тишиной.

Но через некоторое время я почувствовала, как тишина зазвучала. В ней отчетливо различались звуки шагов и голосов. Эти звуки настолько отличались от привычных, что я открыла глаза, чтобы посмотреть, откуда они исходят.

Голоса этой женщины я не слышала, хотя видно было, что она молится.

Это была простая русская женщина, но сколько в ней было истинного благородства! Прежде никогда и нигде мне не приходилось этого видеть – эту несуетность, эту поразительную внутреннюю слаженность. Во всем ее теле царил такая гармония, будто бы все оно было наполнено светом, невидимыми лучами объединившим все частички в единое целое.

Никакой искусственности, никаких излишеств, ничего случайного...

Я не могла оторвать взгляда от этого зрелища.

Закончив молиться, она постояла еще немного и пошла к выходу. Пошла к выходу и я – перерыв заканчивался, и мне нужно было возвращаться на лекцию.

Поначалу я не поняла, что следую за ней. Нам просто было по дороге.

Что происходит, мне стало ясно только тогда, когда я прошла перекресток, на котором мне нужно было поворачивать направо.

Я пошла прямо, в том же направлении, что и она.

Да, я несомненно шла за ней, всматриваясь в ее фигуру.

Меня поразило то, что состояние, в котором она находилась внутри собора, не изменилось и за его стенами. И я невольно начала сравнивать ее "простоту" со знакомой мне "элитарностью", создававшей атмосферу в театральных и концертных залах, да и во всех прочих заведениях, где обитала элита.

Я всегда испытывала чувство дискомфорта, наблюдая за высокомерно-отрешенным выражением лиц, которым элита демонстрировала свою принадлежность к "культуре", легкостью, с которой публика после концерта или спектакля возвращалась к обыденным проблемам, поспешностью, с которой в антрактах торопилась в буфет, а после действия в гардеробную.

То, что излучала эта женщина, было несовместимо ни с высокомерием, ни поспешностью, ни с распадом мира на "духовное" и "обыденное".

Наблюдая за ней, я сделала для себя необдуманное открытие – очевидно, существует иная природа Духа, которая делает человека совершенно иным.

Тем не менее, мне и в голову не приходила мысль, что подобное открытие может иметь хоть какое-то отношение ко мне лично. Это открытие было связано с православием, с которым я не чувствовала никакой личной внутренней связи.

Первый шабат

До собственного первого религиозного опыта было еще долгих 10 лет.

Это случилось уже в то время, когда у меня появилось много новых знакомых-отказников. Среди них были и те, кто стремительно возвращались к религии. На меня этот новое увлечение не распространялось — к религии у меня по-прежнему никакого интереса не было.

Поэтому приглашение на шабат я восприняла без энтузиазма. Время мое уже было распланировано, и этот пятничный вечер был занят.

Но мой новый приятель, который как раз принадлежал к отказникам, вернувшимся к традиционному иудаизму, настойчиво агитировал меня отложить все дела и воспользоваться возможностью увидеть, как выглядит настоящий кошерный дом. Упор все время он делал именно на это - кошерный дом, кошерная еда, кошерные отношения.

Я попросила его уточнить, что он имеет ввиду. И когда он начал рассказывать о некоторых правилах кашрута, я вспомнила: да-да, как-то давно я слышала об этом от своей однокурсницы.

Было это еще в студенческую пору. С однокурсницей, о которой идет речь, мы решили готовиться вместе к одному из экзаменов у нее дома. Родом она была из мусульманской республики, но семья была европейского происхождения, в которой тем не менее, как сейчас я понимаю, какие-то еврейские законы соблюдались.

В этот день мы проголодались раньше обычного и решили до обеда сварить себе какао. Я полезла за кастрюлей и вдруг слышу:

-Только возьми ту, которая слева. Слева у меня стоит молочная посуда, а мясная справа.

- Что значит молочная и мясная? У тебя что, есть отдельная посуда для мяса и отдельная для молока? – спросила я.

- Конечно. – ответила она. — У евреев это обязательно.

Я заглянула на полку и действительно обнаружила на ней странный порядок, который разделял всё содержимое на две очевидные группы.

- Ого! Здорово живёшь! – воскликнула я. - Это сколько же посуды надо иметь?

- А вы дома что, всё в одной кастрюле варите? - удивилась она.

- Конечно. Я вообще впервые слышу, чтобы для мяса и молока разные кастрюли заводили. А зачем это нужно?

Видно, дома её к порядку приучили, но теоретически не подковали. И она стала уверять меня, будто это очень влияет на вкус и лично она может по вкусу определить, в какой кастрюле что сварено. Мне это показалось таким очевидным абсурдом, что я даже и спорить не стала.

- Ну и фантазерка же ты! – рассмеялась я и мы заговорили о чём-то другом. Более увлекательном.

Мой рассказ почему-то вдохновил приятеля.

- Ну вот видишь, теперь у тебя есть возможность разобраться в этом.

Приходи, не пожалеешь.

- Ну ладно. Уболтал. Приду.

Мы встретились с ним в условленном месте, и он привел меня в дом, где мне предстояло "приобщиться".

Пришли мы несколько рановато, что, впрочем, его нисколько не смутило – он здесь был своим. Хозяева накрывали на стол, и я, предложив свою помощь, включилась в работу.

Когда стол, наконец, был накрыт, я осмотрела выставленные яства. Готовить еду я люблю и мне было очень любопытно узнать, что это за особые такие кошерные блюда.

Увиденное разочаровало. Будучи одесситкой не только по рождению, но и по воспитанию, я выросла с убеждением, что все хорошее обязано быть шикарным.

А тут что? Водка? Посредственная. Салаты? Тривиальные. А это что там красуется под маринадом? Ба! Любимая рыба советских трудящихся – мороженный хек!

Было о чем столько говорить!.. И чего они так носятся со своим кашрутом?

Наконец началась встреча субботы.

Зажгли свечи. Мне тоже предложили зажечь свечи, и я зажгла – из уважения к хозяевам дома.

Потом все запели песни, и сразу же изменилась атмосфера. Пение будто всех объединило, и я почувствовала, что мне приятно это единство. Я бы с удовольствием к ним присоединилась, но песен я не знала. Поэтому только

стояла и слушала, хотя мне и выдали, как и всем остальным, листочек со словами.

Все происходило по какому-то неизвестному мне ритуалу. Мне говорили, что делать, и я делала то, что говорили. Но чувствовала я себя скорее как в театре - они все на сцене, а я в зрительном зале наблюдаю за спектаклем, в котором время от времени мне предлагают поучаствовать.

Сама трапеза тоже началась с ритуала — с благословения вина, омовения рук и благословения хлеба. Потом все начали есть, беседовать друг с другом, обсуждать проблемы, петь песни - все, как обычно.

Необычным только был сам предмет, о котором беседовали и пели.

Среди присутствующих был один парень, студент из Москвы. К тому времени он уже весьма прилично знал иврит. Именно по этой причине он стал естественным центром всей компании, так как главным событием вечера было чтение недельной главы Торы.

Стоял конец августа. Последние дни. По еврейскому календарю это был месяц элул, последний перед наступлением Нового года, когда читаются завершающие главы Пятикнижия Моисея.

На той неделе было положено читать главу "Таво".

В начале студент читал ее на иврите, которого практически никто из присутствующих не знал. Потому из прочитанного никто ничего не понимал.

Тем не менее все слушали очень внимательно. Завораживала сама музыка текста, в котором постоянно слышались "вздохи".

Закончив чтение на иврите, студент ту же главу начал читать по-русски.

Теперь из самого текста можно было понять, что "вздохи" вовсе не являлись иллюзией, порожденной музыкой текста. "Вздохи" притягивали потому, что Тора обращалась к каждому лично. (Теперь я знаю, что "вздыхали" суффиксы, благодаря которым человек и чувствует, что Тора обращается на "ты" лично к нему).

"В день сей Г-сподь, Б-г твой, заповедует тебе исполнять все эти уставы и законы; соблюдай и исполняй их всем сердцем твоим и всей душою своею.

И будет, если не будешь слушать гласа Г-спода, Б-га твоего, чтобы строго исполнять все заповеди Его и уставы Его, которые я заповедую тебе нынче, то придут на тебя все проклятия сии и постигнут тебя...

И станешь ужасом, притчею и посмешищем среди всех народов, к которым отведет тебя Г-сподь".

Все притихли. Казалось, взгляд каждого был устремлен в одну и ту же точку. Книга, эта Книга была фокусом, в котором сосредоточились все мысли и все чувства.

Нет, никто не испугался угроз и не чувствовал себя **ужасом, притчею и посмешищем**. Было нечто совсем иное. Было особое состояние единения, очевидно, сродни единению, возникшему у Синайской горы.

В то время я даже не задумывалась о том, что это значит — принадлежать к народу, который слышал Голос, обращавшийся ко всем вместе и к каждому отдельно на "ты".

Просто возникло ощущение — да не студент вовсе читает нам текст. Студент всего лишь озвучивает слова, обращенные ко всем вместе и каждому отдельно. Пусть и давно, но навсегда.

То, что подобное чувство единения могло возникнуть у меня в этой компании чужих людей, о существовании которых всего пару часов назад я даже не догадывалась, казалось мне невысказанным.

Невысказанным? Неужели?

Откуда это?

Достаточно вспомнить лишь один эпизод, чтобы стало очевидным — ничего невысказанного в этом не было. Это чувство единения существовало изначально.

Случилось это давно, во время Шестидневной войны, в ее первые дни, когда горестное оцепенение буквально сковало всех евреев.

Я помню, как Израиль полностью поглотил меня. Из головы, казалось, исчезли все мысли, настолько она была заполнена одной единственной - мыслью об Израиле. Кусок в горло не лез, сон бежал из глаз. Днём время тянулось мучительно долго: от одной передачи радиостанции «Голос Израиля» до другой. Только бы услышать их голос. Что-нибудь узнать. Как они там?

Я закрылась у себя в комнате, и слёзы потоком потекли из глаз. И вдруг из глубины, откуда-то из сердцевины собственного Я, куда мне и самой доступа не было, вырвался стон:

- Помоги им! Умоляю Тебя – помоги им!

Я ясно ощущала Собеседника, жаловалась Ему, негодовала:

-Ну почему? Почему Ты всегда нас убиваешь? За что? Что мы сделали?

Это было каким-то наваждением, всплеском энергии невиданной мощи. НЕЧТО находилось рядом и исчезло, как только опасность миновала.

Когда все закончилось, я будто бы очнулась, не в состоянии объяснить самой себе, к Кому я обращалась и почему я и далёкие и незнакомые мне люди вдруг стали одним неразрывным «МЫ».

"Рекомендованная" литература

Да, ощущения действительно были. Но, возникая из ниоткуда, они очень быстро исчезали в никуда.

Должно было пройти время, чтобы к проблемам веры появился осознанный интерес.

Это время наступило, когда судьба свела меня с молодой девушкой. Она приехала к нам преподавать иврит после того, как КГБ пригрозил нашему учителю арестом, если он не прекратит заниматься сионистской деятельностью.

Свою религиозность эта девушка не только не скрывала, но и назойливо демонстрировала при каждом удобном и неудобном случае. У меня это даже вызывало некоторое раздражение, которое сменилось любопытством, когда она высказала несколько оригинальных мыслей.

Я понимала, что ни по возрасту, ни по складу ума, сама она не могла додуматься до того, о чем готовила. Значит, от кого-то слышала или где-то вычитала. Я спросила ее об этом, и она назвала несколько неизвестных мне имен – Любавичский ребе, рав Кук, рабби Соловейчик.

И тогда я попросила ее составить список "рекомендованной" литературы.

Так в моих руках впервые оказались книги на определенную тематику, которая прежде меня не интересовала.

Это была религиозная тематика.

Иная система координат

Никогда прежде я не встречалась с литературой такого рода.

Вся она базировалась на комментариях к рассказам, взятым из Писания. Однако в этих рассказах все авторы видели вовсе не обычное повествование о тех или иных событиях. Они рассматривали эти рассказы как модели, анализ которых позволяет вывести Законы мироустройства.

Метод показался мне любопытным. Получалось, что всю жизнь людей – их мировосприятие, их нормы поведения, их действия – можно рассматривать с точки зрения соответствия этим Законам, которые хоть и проявляются в разное время по-разному, но по сути своей остаются неизменными.

Если бы я не знала, что многие из этих книг написаны давно и безо всякой связи с нашей советской жизнью, то подумала бы, что их специально сочинили, чтобы показать, до какой степени советское мироустройство Законам не соответствует.

Я с увлечением читала эти книги. Как ни странно, мой интерес к ним проистекал вовсе не из интереса к Б-гу и религии. Этого интереса просто не было. Интересовала меня исключительно окружающая жизнь. И я читала эти книги потому, что увидела в них возможность посмотреть на нашу советскую реальность совершенно под другим углом, объяснить самой себе то, что объяснить никогда не удавалось.

Непроизвольно я начала играть в придуманную игру: брала библейский рассказ, анализировала его, выводила определенные закономерности и проверяла, насколько советская жизнь им соответствует.

Навел меня на эту мысль рассказ о Вавилонской Башне.

В Книге о ней сказано мало. Но я раздобыла Агаду — сборник преданий, из которых можно было почерпнуть множество дополнительных деталей, в Писании не упоминаемых.

В Агаде Вавилонская Башня представала как вселенская стройка, которая объединила всех людей. Цель у них была самая благородная — прославить человека и изменить угрожающий человеку мировой порядок (подпереть при помощи Башни небеса, предотвратив тем самым новый мировой потоп).

Только вот беда — в процессе строительства сами строители как-то позабыли, что затеяли все мероприятие во имя человека и его блага. В самоцель превратилась сама Вавилонская Башня. Поэтому когда падал и разбивался человек, никто этого не замечал. А вот когда падал и разбивался кирпич, все начинали вопить: **"Горе нам! Сколько придется ждать изготовления другого кирпича, когда каждая минутка дорога."**

Меня прямо передернуло — ну до чего же знакомо! Ведь и Советский Союз создавался ради всемирного счастья всех людей: "Мы наш, мы новый мир построим. Кто был ничем, тот станет всем".

А что вышло? Лагеря ГУЛАГа, искусственный голод - миллионы погибших, искалеченных, растоптанных. Я столько слышала об этом и даже кое-что читала.

Но более всего меня поразило отношение людей к тому, что сотворили коммунисты. Многие по-прежнему были преданны идее, которая принесла так много бед, и были убеждены, что ничего особенного не случилось: "Ну да, наделали ошибок, не все получилось, как хотели, зато какая идея замечательная!"

Это что же за идея такая, которая сожрала и изувечила столько людей? И ведь ее оправдывают — точь-в-точь, как это делали строители Башни. Подумаешь, человек погиб!.. Главное, чтобы выжила идея.

А вот и новый рассказ — Содом. И вновь, будто все это о нас, сегодняшних.

Не в самой Книге, в котором главным "содомским грехом" выступает гомосексуализм, я обнаружила это тождество. Я обнаружила его в притче Агады, в которой описываются содомские порядки, установленные судьями с показательными именами: Шакрой, Шакрурай (от "шекер" - "ложь"), Зайфой (от "зайфон" подделывают) и Мацли-дин (извращающий правосудие).

В Содоме правила Ложь, но Ложь особая, содомская.

Суть этой Лжи состояла в замене Добра Злом, а Зла Добром. И узаконивалось это теми самыми судьями, чьи имена говорили сами за себя.

В результате люди привыкали к абсурдной логике жизни.

Содомский способ толкования закона испытал на себе Эльазар, слуга Авраама. Когда он был в Содоме, его избили. Пошел Эльазар с жалобой в суд, а там судья постановил, что жаловаться ему, собственно, не на что. Хулиган-содомлянин, оказывается, оказал Эльазару услугу - кровь пустил. И теперь сам Эльазар должен заплатить за кровопускание, так как кровопускание — медицинская процедура, оздоравливающая человека.

Так преступник оказался праведником, а праведник преступником.

Милосердие вообще считалось преступлением в Содоме.

Одна девушка тайком помогла своей подруге, чья семья умирала от голода. Она наполнила свой кувшин мукой, понесла его к колодцу якобы воды в него набрать, и незаметно обменялась кувшинами с голодной подругой — ей отдала свой, наполненный мукой, а себе взяла пустой для воды.

Как только узнали об этом "преступлении" содомляне, "преступницу" сожгли.

Люди так сами себя так запутали, что даже десяти праведников не осталось в Содоме, потому что никто уже не мог Добра от Зла отличить.

И я подумала: "Вот таким образом общество само себя и разрушает".

И вдруг вспомнила о начальнике моего мужа, которого недавно арестовали. Приятный мужик, спокойный, разумный. Он совсем не выглядел диссидентом, не был евреем, прекрасно был устроен. И вдруг!

Говорят, он написал какую-то работу, в которой описывалась ужасающая экологическая ситуация в стране. Судьи квалифицировали его деятельность как порочащую советский общественный и государственный строй. Значит, настоящий патриот, который не мог молчать, оказывается врагом народа. А те, кто довели страну до такого состояния, наоборот, патриоты, защищающие родину. Здорово получается. Точно, как в Содоме.

И так на каждом шагу — все шиворот на выворот. Самые дикие и отсталые страны — это, оказывается, прогрессивное человечество. Запрет на информацию — это, оказывается, защита свободы.

А ведь и советское общество разрушается изнутри и по той же причине, что и Содом, — люди заврались. Не потому ли все мы, советские, какие-то надломленные, что стержня правды в нас нет?

А вот еще один поразительный эпизод.

Праотец Яков возвращается на родину после длительного отсутствия. И вдруг узнает, что навстречу ему с отрядом вооруженных всадников мчится его брат Эсав. Мчится, чтобы свести старые счеты.

Яков напуган и делает все, чтобы уладить конфликт. Но вот наступает ночь, и на борьбу с ним выходит Некто, кого мудрецы называют ангелом Эсава, его Идеей. И Яков преображается. Он борется, борется изо всех сил с Духовной сущностью Эсава и о компромиссе с Идеей даже слышать не желает.

С человеком Яков ищет мира, с Идеей — борьбы. И в этой борьбе он непоколебим.

И я подумала: "А ведь мы поступаем прямо противоположным образом. Мы обрушиваем весь свой гнев на человека. А он, может, всего-навсего в плену Идеи, в которую верит. Может, он и не осознает, что запутался в собственных предрассудках, а мы его бьем. К идеям мы терпимы, но не к человеку".

*

Книга за книгой, мысли за мыслями — так постепенно проступала иная система координат, в которой преображались все знакомые мне явления.

Мне никогда не приходила в голову мысль о том, что у отдыха может быть какой-то иной смысл, кроме потребности человека отдохнуть физически. Нас так и учили: отдых — это перемена деятельности. Дескать, устал от этой работы — займись чем-то другим. Мы, конечно, используем отдых для всяких приятных нам вещей, но мы обязаны что-то делать. И даже праздники мы устраиваем, чтобы вместе что-то делать.

Иногда я, правда, задумывалась о бессмысленности большинства советских праздников. Ну кого, в самом деле, волновали в моем поколении

международная солидарность трудящихся или победа октябрьской революции? Мы эти придуманные праздники воспринимали как нерабочий день, но с собой, праздничной атмосферой: улицы украшены, музыка играет, все люди собираются вместе, едят-пьют, поют-танцуют. А что, собственно, празднуют, никто уже и не вспоминал.

Но эти мысли о советских праздниках не имели никакого отношения к мыслям о самой сути отдыха.

И вдруг появляется шабат. Да, это тоже нерабочий день, который евреи установили еще тогда, когда разделение между трудом и отдыхом сводилось к разделению между людьми — одни люди все время отдыхали, а другие все время работали. Поэтому упорство евреев в том, чтобы отдыху посвящать целый день недели, объясняли ленью.

Но шабат — это не просто нерабочий день. Это прежде всего иное отношение человека к миру. Шабат — это прекращение не только самой деятельности, но и восприятия человеком самого себя как создателя. Этот перерыв дан человеку, чтобы он мог остановиться и подумать — а ради чего, собственно, суетимся? Вспомнить, что есть Сверхцель.

Каждому это необходимо, независимо от его социального статуса. И не просто порассуждать на досуге о смысле жизни, как это делали многие из нас. Нет, шабат — это коллективное переживание этого смысла, основной элемент культуры, впитанный каждым евреем с молоком матери.

И мне вдруг стало понятным неосознанное ощущение, которое жило во мне столько, сколько я себя помню, — в нашем досуге чего-то не хватает.

А вот другая проблема. О ней никак не скажешь, что новая она для меня, что я о ней не задумывалась. Помню, как в студенческие годы у нас разгорелся страстный спор как раз на эту тему.

Мы спорили до хрипоты — должен ли незаурядный человек подчиняться общим нормам морали? И пришли к выводу — не должен.

Больше всего на свете мы ценили в человеке талант. Талант — это подарок судьбы, это достояние не только самого человека, но и человечества, потому что только талантливые люди, вырываясь за рамки обыденности, шаг за шагом прокладывают новую дорогу всем остальным.

Что же удивительного в том, что талантливые люди сосредоточены совсем на иных вещах, чем посредственности? Им тесны те рамки, в которых посредственности чувствуют себя естественно, и они невольно переходят границы.

Мораль, конечно, необходима. Но предназначена она для большинства, для тех, кто занят буднями. Нельзя ею связывать тех, кто стоит выше будней.

И вдруг я обнаруживаю совсем иной подход к этой проблеме. Самое ценное в человеке — его праведность.

Что за этим стоит?

"А что, собственно, мы имеем в виду под "талантом"?" — подумала я.

Мы имеем в виду способность человека преображать мир, создавать в нем то, что само без человека появиться не может. Но разве сам человек не есть объект этого мира? И разве для того, чтобы создавать самого себя, не требуется талант?

А ведь это действительно самое главное. Что толку во всех открытиях, сделанных талантливыми людьми? В конечном итоге самое главное — то, как человек распорядится тем, что создал. А если он как человек совершенно не развит, не праведен, то он уже не созидатель, а разрушитель.

Я присмотрелась к окружающим меня людям, среди которых было немало людей талантливых, и ужаснулась. Среди них не было тех, кого влекли бы проблемы, о которых писалось в книгах. И я подумала: "Да. Они талантливые люди, они много знают и умеют. Но кто знает, как еще скажется то, что именно себя они никогда не создавали?"

В какой-то момент я начала осознавать, что под влиянием этих новых для меня книг мое мировосприятие преобразилось и я смотрела на мир уже совсем иными глазами. Новая система координат заставляла переосмысливать все, что раньше представлялось ясным и понятным, а потому казалось естественным. Появилась потребность задуматься о вопросах, которые прежде и в голову не приходили.

Но не хватало деталей в этой системе координат, и я начала искать способ, чтобы догадаться о них.

В конце словаря Шапиро, единственного русско-ивритского словаря, который был в нашем распоряжении, был помещен грамматический справочник. В одной из статей рассказывалось, что совпадение букв в словах иврита, часто указывает на наличие внутренней связи между понятиями.

Я ухватилась за эту мысль и начала конструировать "законы". Вот слово "золь" — значит "дешевый", а вот "газаль" — значит "грабить, похищать". Две буквы общие — "з" и "л". Что же следует из этого? Следует, что тот, кто хочет, чтобы все ему дешево досталось, просто самый обыкновенный грабитель.

Картина была захватывающей, но для ее полноты необходимо было сделать всего один шаг — в центр этой картины поместить Б-га. Без него все просто распадалось.

Я поначалу совершенно не думала о Нем, но Б-г в моей новой системе координат был настолько естественен, что сопротивляться его законно занятому месту не имело никакого смысла.

Слово Любавичского ребе

Шаг был сделан рационально.

Но самое интересное — то, что последовало за этим шагом.

Это чувство знакомо тому, кто хоть раз смотрел на мир через объектив фотоаппарата. Окружающий мир кажется окутанным туманом — предметы неясными, контуры размытыми, цвета тусклыми. Но крутишь фокусирующее кольцо и вдруг — вот эта точка, вот он, фокус. Все становится на свои места. Предметы, контуры, цвета — все обретает ясность.

Человек может не знать законов оптики и даже не задумываться о них. Но он их угадывает, они даны ему в ощущении, он чувствует, что попал в точку.

Б-г в центре картины мироздания сделал ее ясной, и уже чувство подсказало — вот он, фокус.

События личной жизни, человеческой истории вдруг начали связываться между собой неожиданным образом, и из этой новой картины мироздания постепенно рождалось новое и незнакомое прежде мироощущение.

И я вдруг вспомнила о женщине из собора. Так вот откуда в ней эта несуетность, эта внутренняя слаженность?

Но та же несуетность была и в отце маминой подруги. Рядом с этим человеком было удивительно хорошо. Он всегда был спокоен и только взгляд выдавал его искрящуюся жизненную силу. Единственный из всех знакомых мне евреев, он регулярно ходил в синагогу, и о нем каким-то особым тоном говорили: "он набожный".

А я всегда думала, что он просто очень хороший человек. Теперь только я поняла, что в нем было нечто большее — то самое мироощущение.

То, что это мироощущение каким-то образом связано с молитвой, было совершенно очевидно. Но сделать еще один шаг — теперь уже к молитве?

А как он делается?

Я бы еще долго размышляла на эту тему. Но однажды на очередной отказничьей сходке всем раздали открытки, переданные Любавичским ребе через его посланников. В открытке было не много слов: ребе писал о том, что в наше темное время людям особенно необходим свет, и просил всех еврейских женщин зажигать по субботам свечи.

Почему эти слова подействовали на меня? Ведь к тому времени я была сложившейся советской диссиденткой, у которой коммунисты выработали устойчивую идиосинкразию к любым призывам. Как-будто внутри моего мозга кто-то вставил предохранитель: стоит услышать слова агитации и пропаганды — раз, — и я отключаюсь.

Но в данном случае было нечто совсем иное — по-человечески взволнованная просьба того, кому не веришь, но доверяешь.

По дороге домой я все время думала об этой странной просьбе. И уже у самого входа в подъезд своего дома вдруг резко развернулась и пошла в сторону противоположную, перешла через дорогу и зашла в магазин, расположенный напротив моего дома.

В этом хозяйственном магазине продавали свечи.

- Так как, говоришь, это делается?

Я пришла к своей подруге, чтобы выяснить детали. Несколько раз в компании друзей мне приходилось зажигать субботние свечи. Но было это всегда в чужом доме, и делала я это по подсказке, не стараясь запомнить подробности.

Теперь я собиралась это сделать сама в собственном доме.

- Погоди, я возьму листок и ручку.

Я записала на листочке последовательность действий.

- Так. На голову козынку, зажечь свечи, закрыть глаза, прочитать браху.

Браху на какой странице?

Дома я впервые открыла молитвенник и начала читать тексты.

Да это же читать невозможно, тем более произносить. Речи двухтысячелетней давности. Б-г, как восточный правитель, перед которым нужно ползать на коленях. А самоуничижение человека просто отвратительно.

Мне все это сильно не понравилось. И я готова была уже отказаться от своей затеи, как вдруг меня озарило.

Гордость?

Гордость не позволяет произносить все эти слова?

А произносить слова "Партия – наш рулевой, организатор и вдохновитель всех наших побед" гордость позволяет? Или, может, я их не произносила? Произносила, да еще сколько раз. А разве все советские интеллектуалы думали о гордости, когда в предисловиях к своим книгам цитатами из Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина доказывали свою благонадежность?

Нас приучили опускаться на колени перед этими бонзами, чтобы заслужить право рот открыть. И ничего, о гордости никто не вспоминал...

Почему же лебезить перед людьми нам гордость не мешает, а как дело доходит до Б-га, то сразу вспоминаем – "человек – это звучит гордо"?

Стоп. Но в истории Исхода из Египта мы сталкиваемся с той же коллизией. Б-г противостоит Фараону, а евреи стоят перед выбором. И вот что удивительно — евреи проявляют поразительную готовность подчиниться Фараону: корпеть на непосильных работах, терпеть наказания и издевательства, да еще и на Моше рычать – чего, дескать, вмешиваешься. Но перед Б-гом народ ведет себя иначе. Народ недоволен, народ ропщет и бунтует, народ требует и угрожает. И это при том, что Б-г и кормит, и поит, и уговаривает, и угождает.

За человеком люди признают право на власть, а за Б-гом нет.

Да и в истории о Вавилонской Башне по сути дела решается та же проблема. Агада повествует, что строители Башни намеревались на ее вершине поставить большую статую идола с мечом в руке. Идол вызовет Б-га на бой за то, что Б-г унижил человека, **"избрал для себя небесные высоты, а для нас юдоль земную оставил"**.

Все время один и тот же мотив — величие человека противопоставляется величию Б-га. Такая повторяемость случайной быть не может.

Мысли об этом странном явлении — о готовности человека подчиниться себе подобному и неготовности подчиниться Б-гу не оставляли меня. Я чувствовала, что обязана найти ответ на этот вопрос, потому что для меня он не был исключительно религиозным вопросом. Это был вопрос об истоках диктатуры.

Писание вновь пришло мне на помощь.

- Хочешь быть, как Б-г?

Именно этими словами библейский Змий совратил человека: **"вы будете, как великие, знающие Добро и Зло"**. Хотите?

- Да, хотим.

Вот с этого все и начинается. Вся картина мира распадается, и каждый воображает, будто ему известно, что есть Добро и что есть Зло. А когда появляется некто, сильная личность, вождь, которому удается убедить других, будто только он и знает, что есть Добро и что есть Зло, люди верят ему и за ним идут. Он для них Б-г.

Как конкурент Б-га вождь обязан Б-га устранить: либо присвоить себе право вещать от имени Б-га, либо уверить всех, что Б-га нет вообще и слушать нужно только вождя.

А дальше все очень просто. Скажет вождь, что нужно Башню строить, — построят. Скажет, что нужно людей на костре сжигать, — сожгут. Скажет, что нужно покрыть всю землю концлагерями и уничтожить в них врагов вождя, — покроют и уничтожат. Будут за голову хвататься от ужаса, но, как замороженные, исполнять указания вождя.

Вождь определяет сверхцель, за достижение которой он с легкостью расплачивается чужими судьбами и чужими жизнями.

Вот для того, чтобы обрести такую бешеную власть над нами, нас и воспитывали атеистами. "Б-га нет. Его место занял человек. Человек — это звучит гордо!" — сладкая приманка, на которую так легко клюнуть.

Только не гордость в нас воспитывали, а гордыню, умышленно замаскированную гордостью. Гордыня и есть первородный грех. И молитва — не самоуничижение, а отказ быть Б-гом, отказ от претензий на знание Добра и Зла. Если угодно — искупление первородного греха.

Потому так трудно произнести эти слова. А я вот возьму и произнесу.

Я зажгла свечу и произнесла то, что казалось невысказанным:

"Благословен Г-сподь, освятивший нас своими заповедями, и повелевший зажечь субботнюю свечу."

Самое главное препятствие было преодолено. Это был первый шаг, начало пути, но я уже поняла направление — постепенное самоочищение от яда атеизма, изгнание из себя существа, пресмыкающегося перед Фараоном и восстающего против Б-га.

Наверное, именно потому, что на меня, как и на многих советских, чары марксизма больше не действовали, я и смогла услышать слово Любавичского ребе.

Третий Храм

Это, конечно, была безумная идея: строить Третий Храм в кухне малометражной городской квартиры.

Но Любавичский ребе обратился со словами, которые проникали в душу: сейчас, когда у нас нет Храма, важно, чтобы Храмом стал каждый еврейский дом.

А почему же нет? Если невозможно построить Храм там, где ему положено стоять, то нужно создавать его духовное ядро. Где? А какая разница? Да хоть на конце иголки!

Трудно было объяснить своей семье, что движет мною, и я решила, что никого не буду в это мероприятие втягивать. Всё сделаю сама.

Я накупила много новой посуды и решила прокошеровать её по еврейскому обычаю. Как это делается, я понятия не имела.

Поговорив с подругой, мы пришли к мнению, что консультантом может быть её муж: в наших глазах он был большим авторитетом потому, что однажды в Москве слушал лекцию на эту тему у настоящего заезжего раввина, кажется, из Канады. "Авторитет" сказал, что озеро возле их дома вполне подходит для намеченной цели. От моего дома это, правда, было далековато, но кто обращает внимание на такие мелочи?

В один прекрасный день я выпорхнула из дому, нагруженная не совсем обычной поклажей. Вид у меня был весьма экзотический: на плече висел баул с чайным сервизом и всевозможными тарелками, на другом плече сумка с ложками, вилками, ножами, кастрюлями и прочим металлом. Тазы и доски я разместила в авоськах, которые держала в руках.

Так как на покупку посуды ушло много денег, нужно было на чём-нибудь сэкономить. Кроме, как на себе самой, сэкономить было не на чем. Поэтому я решила не брать такси и добираться на общественном транспорте.

До автобусной остановки я добралась сравнительно легко. Но вот подошёл автобус, конечно, как всегда переполненный. И тут выяснилось, что залезть в него со своей поклажей я не в состоянии.

Каким-то образом я воткнула туда правую ногу и часть своих сумок. Автобус тронулся, и наступил момент неустойчивого равновесия: если мне удастся опереться на правую ногу, я смогу перетянуть внутрь весь свой необычный багаж; если нет – я вылечу вместе с ним из автобуса и в лучшем случае грохнусь на тротуар, а в худшем – прямо под колёса.

Положение было настолько отчаянным, что, подняв вверх голову, я просто крикнула: "Помогите!"

Ко мне потянулся (я не преувеличиваю) лес рук. Меня внесли внутрь вместе со всем моим скарбом. Тут только до меня дошло, что, собственно, я затеяла.

Я начала подсчитывать пересадки. Так: после автобуса метро, внутри метро пересадка на станции, где всегда полно народу, потом трамвай, а потом ещё пешком нужно тащиться, так как озеро находится между двумя трамвайными остановками. А в метро ведь ещё и эскалаторы. Ой, что же я буду делать?

Автобус подошел к конечной остановке и быстро пустел. Я начала навешивать на себя свою поклажу и вдруг слышу:

- Вам помочь?

Я обернулась. Передо мной стоял огромный парень, как говорится, косая сажень в плечах. Конечно, я и мечтать не могла о таком счастье, но его вопрос смутил меня. Мне было неловко при мысли, что кто-то будет тащить вместо меня такой неэстетичный груз.

- Пожалуй, если вам не трудно – ответила я, стараясь не смотреть ему в лицо.

- Вам куда? – спросил он.
- Мне на метро.
- И мне на метро. Значит, по дороге.

Выяснилось, что "по дороге" означало не только дорогу до метро, но и пересадку. И так, половина пути была позади. Из метро он вышел за одну остановку до меня. Я поблагодарила его и вновь принялась навешивать на себя корзины. И вдруг опять слышу:

- Вам помочь?

Передо мной опять стоял огромный парень. Это было уже странно. Вид нагруженной женщины был настолько неотъемлемой частью советского городского пейзажа, что меня удивило внимание к моей персоне, проявленное дважды.

- Если вам не трудно, пожалуй, не откажусь.

Он довёл меня до трамвая и помог в него сесть. Теперь оставалась самая малость: выйти из трамвая и пройти пол-остановки. Это представлялось уже сущим пустяком.

Но как только я начала готовиться к выходу, то есть навешивать на себя сумки, как вновь услышала...

- Как в анекдоте: нет, вы, конечно, будете смеяться...

Вы, конечно, будете смеяться, но рядом со мной опять стоял огромный парень, который произнёс ту же фразу, которую я уже слышала дважды:

- Вам помочь?

Насколько мне помнится, я лишилась дара речи. Он вышел из трамвая вместе со мной и спросил:

- Вам куда?

Я хотела сказать "на озеро", но вдруг почувствовала, что не могу это произнести. Он сочтёт меня сумасшедшей.

- Я...Мне... — начала мямлить я. – Собственно, это... То есть, мне, вообще-то на озеро. Если вас это не очень затруднит.

Он не сказал ни слова. Просто зашагал на озеро с таким видом, как будто с кастрюлями и тазами, кроме как на озеро, вообще ходить некуда. Я семенила рядом, с трудом успевая за его семимильными шагами.

- Сюда? – спросил он, когда мы прибыли на место.

-Да

-Ну, всего хорошего.

И пока я прочищала горло, чтобы поблагодарить его, он повернулся и пошёл своей дорогой, так что "спасибо" я уже кричала ему вдогонку.

И вот, наконец, мы с поджидавшей меня подружкой приступили к кошерованию посуды. У нас в руках была шпаргалка, на которой было записано, что и в какой последовательности мы должны делать. По ней мы и проводили "религиозный обряд", произносили нужные слова, опускали в воду посуду. Помню, что одна тарелка чуть не уплыла от нас и мы какой-то корягой вылавливали её, чтобы вернуть на место.

Домой я возвращалась уже в такси, потому что на повторения такого чуда не надеялась.

Вознаграждением был первый седед, который проходил у меня в доме.

Да, это у меня в доме стоял стол, накрытый кошерной посудой. И в этой кошерной посуде лежала кошерная еда. Еда отбиралась по правилам, которым меня научили. Любимая рыба советских трудящихся – мороженный хек – отбор прошла и теперь красовалась на праздничном столе.

Да, все это произошло у меня в доме. У меня в доме мы сели за пасхальный стол, открыли пасхальную Агаду и произнесли те слова, которые наши предки произносили веками - из поколения в поколения.

"Рабами мы были у фараона в Египте. Но Г-сподь, Б-г наш, вывел нас оттуда рукою крепкой и мышцею простертой."

7. Куда?

Наконец-то

С началом 80-х годов руководители государства начали умирать с неприличным постоянством. Смерть Брежнева испугала — а вдруг опять опустят железный занавес. Что мы делать тогда будем? Останемся внутри с клеймом "враги народа"?

Но им пока было не до нас. Они были заняты похоронами своих вождей.

На появление Горбачева никто никак не прорегировал — все уже привыкли к постоянному обновлению лиц у руля государства. Ничто не предвещало перемен.

Поэтому, когда в ОВИРе при очередном посещении мы вдруг услышали "выезд вам разрешен", то просто опешили.

- Что, так прямо и разрешен? Что, действительно можно уезжать?

До этого момента вопрос "куда?" не вставал. Было и так понятно — в США. Ведь наш отказ начинался именно с этого — мы собирались в США и попали под кампанию со степенью родства.

Всем вокруг наше увлечение Израилем представлялось допустимым при одном единственном условии — в решительный момент мы выбросим все израильские "глупости" из головы и поступим разумно. Как все.

Но за эти восемь лет слишком многое изменилось. Изменилось не внешне. Изменилось внутренне. Сформировалось принципиально новое самосознание.

Кто мы теперь после этих восьми лет?

Как-то раз я в шутку назвала себя "плененной израильтянкой". Но лишь теперь, когда пришла пора делать выбор, я поняла — это не шутка.

Это всерьез.

"Плененная израильтянка"

Перерождение "образцовой советской девочки" в "плененную израильтянку" проходило постепенно — шаг за шагом, эпизод за эпизодом. Это

получалось как бы само собой. Каждый раз возникала новая ситуация, на которую приходилось как-то реагировать, как-то в ней действовать.

Шаг за шагом. Эпизод за эпизодом.

Не сразу возникло и чувство принадлежности к Израилю. Оно зарождалось в мелочах, которые часто выглядели забавными.

И только по истечении времени, долгих восьми лет отказа, стал понятен результат.

Однажды мы собрались в поход. Все, как обычно: рюкзаки-палатки. Только состав необычный — одни евреи. Принимаем решение встретить субботу в походных условиях.

Накануне субботы разжигаем костер и варим грибной суп. Суп непростой. Он сварен из израильского грибного порошка, который кому-то прислали из-за границы.

Теперь я в сторону этого супа и не смотрю. Какой только химии в этот суп не наложили — и для запаха, и для вкуса, и для цвета.

Но тогда об этом никто не думал. Самым главным было то, что суп из Израиля!

Это выглядело, как священный ритуал. Мы наливаем суп в миски и предаем их по кругу, вдыхая, как нам казалось, незнакомый запах родины.

За месяц до пурима ко мне пришел приятель-отказник.

- Слушай, мне пришла в голову отличная идея. Нужно на пурим устроить концерт из песен на иврите. Мне вот тут кто-то израильские открытки передал. Посмотри, там есть и слова, и ноты. Выучи, сколько успеешь.

Я глянула на эти открытки.

- Да я же текст не понимаю. Как я эти песни выучу?

- Захочешь — выучишь. В общем, давай — больше у нас на иврите петь некому.

Вечная история — больше некому. Сколько раз отказникам приходилось браться за дело, в котором они и сами были новичками, только потому, что больше некому.

Принимаюсь за дело и я. В моем распоряжении открытки и все тот же словарь Шапиро. Перевожу все слова и пытаюсь сконструировать из них предложение. Кое-что удается сделать самой, кое-то после совещания с друзьями, а кое-что так и остается неясным и о смысле приходится только догадываться.

Позже появляется кассета с записью некоторых песен. Но возникает новая трудность. Песни, оказывается, исполняются в быстром темпе, а я не успеваю слова проговорить — губы не слушаются.

"Ани пурим, ани пурим, самэах у-мэвадэах". Ох уж этот **"самэах у-мэвадэах"**. Ну никак не получается. ,

Я повторяю **"самэах у-мэвадэах"** постоянно: подметаю полы или мою посуду, иду по улице или еду в метро. **"Самэах у-мэвадэах"**, **"самэах у-мэвадэах"**.

Этот маленький концерт на пурим действительно был сюрпризом, причем не только для нашей компании, но и для меня. Я вошла во вкус и теперь рвусь разучивать новые песни.

Израильские песни вводят меня в совершенно новый мир. В нем происходят неизвестные мне события, мелькают неизвестные мне названия и герои уходят не в леса, а в виноградники и оливковые рощи.

Но все это так близко, так узнаваемо. Мелодии легко ложатся на душу, и сердце трепещет от щемящего чувства любви. (Тогда я еще не знала, в чем секрет этой узнаваемости: все композиторы были родом из Российской империи.)

К хануке я накопила уже значительный репертуар. Мы собрались у меня дома, и я устроила настоящий концерт. Многие к тому времени могли мне подпевать, потому что тоже уже знали некоторые песни на иврите.

"Кахоль вэ-лаван. Зэ цэва шели." - "Белый и голубой. Это мой цвет."

Белый и голубой — цвета израильского флага. Цвета нашего флага.

Трудно описать восторг, который испытываешь в такие минуты. Мы сидим внутри самой враждебной к Израилю империи и чувствуем себя маленьким островком еврейского государства.

Для меня этот концерт был еще и реваншем.

Реваншем за бегство со студенческой вечеринки, когда из всех собравшихся я оказалась единственной, кому неведомы были слова песен собственного народа. Реваншем за придуманного "шолом-алейхема", из которого я вынуждена была сделать тост, потому что даже тост на языке своего народа я не могла произнести.

Делать жизнь с кого?

Но все это были мои личные проблемы. Когда же появился ребенок, мое мировоззрение перестало быть моей личной проблемой. Нужно было воспитывать ребенка. А как?

Тот, кто просто копирует опыт предыдущих поколений, даже не осознает, что, по-существу, освобождает себя от раздумий на эту тему. Но тот, кто решает, что опыт предыдущих поколений ему не подходит, сталкивается с серьезнейшей проблемой — делать жизнь с кого?

К 70-м годам с этой проблемой столкнулись во многих молодых семьях. Поколением родителей становились люди, которые выросли в атмосфере свободомыслия. И это выразило себя в особом интересе к семейному воспитанию. Готовность экспериментировать в этой области, идти своим путем, пожалуй, являлась одним из главных признаков кризиса официальной идеологии.

Новое поколение родителей чувствовало, что у него сформировался собственный взгляд на многие вещи, и стремилось вырастить своих детей подобными себе, а не такими, какими их упорно стремилось взрастить социалистическое государство.

У отказников эта проблема усугублялась тем, что им приходилось воспитывать детей членами воображаемого общества, объяснять детям то, о чем сами отказники имели смутное представление. Ведь никто толком не знал, каким на самом деле является реальный Израиль.

Проще всего было тем, кто решили вернуться к ортодоксальной религии. Они могли опереться на многовековую традицию, которая прервалась всего-навсего в поколении их дедушек. Эта традиция предполагала существование внутри замкнутой общины.

Я поначалу потянулась к ним, но очень быстро поняла, что в моем случае все это не пойдет. Во-первых, потому, что для этого необходимо согласие между родителями. А мой муж от всего этого был очень далек. Во-вторых, потому, что мне и самой претило слепое копирование опыта ушедших поколений, который во многих отношениях не соответствовал моим собственным сложившимся взглядам.

Казалось бы, простая вещь — о чем рассказывать ребенку и какие книжки ему читать.

Те, кто возвращались к традиционной религии, по этому вопросу занимали жесткую позицию. Никаких сказок — все это языческие фантазии, чуждые еврею. У еврея есть Тора, и этого достаточно.

Такая позиция была мне чужда. От сказок братьев Гримм я еще могла бы отказаться. Но отказаться от Андерсена? Ни за что!

По поводу национального воспитания тоже не все так просто. А что это, собственно, значит? Отмечать национальные праздники, рассказывать о национальных героях? Все это замечательно. Но мир велик. Как с ним быть? Закрывать от него?

Я опасаясь ограниченности и стараюсь найти собственную формулу сосуществования. Рассказываю о подвигах еврейских героев Маккавеев и тут же о нашей планете — как много народов живет на ней и какие все они разные. Раскрываем атлас и рассматриваем костюмы народов мира. Беседуем о расах, об обычаях народов и о том, ...какие сказки они сочиняют.

*

Самым болезненным оказался вопрос о новогодней елке.

В воинственно-атеистическом государстве елка давно утратила какую-либо связь с христианским Рождеством. Она стала символом Нового года.

Этот праздник любили все. Возможно, ни в какой иной праздник, как в этот, не возникало ощущение народного единства, потому что Новый год — это поднятые бокалы с шампанским под непрерывный бой Кремлевских курантов и дружный счет ударов: раз, два, три... двенадцать. Ура!

Новый год — это еще и особая, ни с чем не сравнимая атмосфера. Ощущение значимости момента — год заканчивается, начинается новый, а что он принесет, неизвестно. Предпраздничная суета, огороженные под елочные базары площадки, украшенные ватой-снежинками витрины магазинов. И

непременный запах хвои — везде: на улице, в магазинах, в автобусах и троллейбусах, в которых люди везут домой новогодние елочки.

Новый год — это еще и преображенный дом. Елка в центре внимания всей семьи. С антресоли достают ящики с разноцветными игрушками и гирляндами. И вся семья принимается украшать елочку, начиная с верхушки, на которую надевается большая красная пятиконечная звезда.

Новый год — это детский утренник с дедом Морозом и Снегурочкой. И, конечно же, подарки. Детей офицеров баловали шикарными подарками. Это были прозрачные кулечки, в которые было вложено полно самых вкусных вещей. Но самым-самым главным в кулечке было маленькое оранжевое солнышко — мандаринка. Она так манила, что как только каждый из нас получал подарок, кулечек тут же открывался и первым делом рука хватала мандаринку. Как по команде, все начинали снимать с нее шкурку. И вот — чарующий запах одновременно очищенных мандаринок уже наполнял собою все пространство.

И после двадцати лет жизни в Израиле я не забыла этот запах. И хотя у нас сезон цитрусовых начинается осенью, для меня этот запах на всю жизнь остался запахом зимы и Нового года. Достаточно кому-то начать чистить мандаринку, как память сразу же переносит меня в детство, в котором по-прежнему стоит украшенная елочка, под ногами хрустит снег, а Дед Мороз и Снегурочка раздают новогодние подарки.

Как же мне объяснить ребенку, что все это любить нельзя, что не наш это праздник?

Просто проигнорировать то, что происходит вокруг, и сделать вид, будто никакой елки нет? Но ведь она есть, и не заметить это невозможно. Все чувствуют атмосферу Нового года, и я опасаясь, что ошибка в моем поведении может превратить елку в тот самый запретный плод, который, как известно, особенно сладок.

И я нахожу собственное решение: приношу домой елку, но веду себя так, как будто она ничего не значит в нашей жизни. Через два дня с недовольным выражением лица начинаю елочку оговаривать: "Как много грязи от нее, пора уже вынести ее во двор".

Главное, чтобы ребенок не полюбил елочку так, как люблю ее я, чтобы не пришлось выкорчевывать эту любовь из живого сердца, как приходится это делать мне.

И я выношу елочку во двор, прижимая ее к себе и вдыхая терпкий аромат деревца, с которым связано все мое детство.

"Как хорошо жить среди своих и не знать этих проблем, — думаю я. — Все вокруг говорят на одном с тобой языке, одно и то же любят, и праздники празднуют одни и те же. И никакого насилия над собой, никакой лжи, никаких выкрутасов".

И на вопрос "делать жизнь с кого?" ответ подсказывает сама жизнь".

Желание оказаться в Израиле становится еще сильнее, еще сильнее надежда, что нерешаемые сейчас проблемы легко решатся, как только закончится это существование меж двух миров.

А пока что нужно приспособливаться к ситуации, в которой оказалась. Но к любой ли ситуации можно приспособиться?

Чернобыль

Был чудесный воскресный день. Муж договорился с друзьями о встрече, взял с собой ребенка, и они провели весь этот день в парке на берегу Днепра. Прошел легкий дождь, но внимания на него никто не обратил.

Вечером у нас в квартире раздался телефонный звонок. Муж взял трубку, и по его тону я поняла: что-то случилось.

- Срочно нужно постирать всю одежду, в которой мы сегодня гуляли.
- А что случилось?
- Только что звонил приятель. На Чернобыльской станции произошла авария.

Пытаюсь сообразить, что нужно делать, вспомнить хоть что-то из того, что объяснял нам полковник на лекциях по гражданской обороне.

Он очень хотел, чтобы мы вникли в суть дела. Однажды на лекции он включил магнитофон, и аудитория наполнилась жуткими звуками, изображавшими ядерный взрыв. Вдруг наступила тишина и как-бы издали выплыли звуки "Вальса-фантазии" Глинки.

Глаза полковника увлажнились от нахлынувших чувств.

"О, да наш полковник, оказывается, сентиментален", — с улыбкой переглядываемся мы друг с другом.

- Я хотел с вами посоветоваться, — говорит полковник. — Как вам кажется, подходит эта мелодия?

- Да, да, конечно подходит. После ядерного взрыва "Фальс-фантазия" Глинки — это как раз то, что нужно. У полковника замечательный вкус.

Полковника помню, историю с "Вальсом-фантазией" помню, помню еще исполозованную спину японки, которая во время взрыва в Хиросиме носила платье в полоску. А больше ничего не помню.

Что же я так! То, что надо, не запомнила. Но кто же мог подумать, что все это понадобится?

Мы понимаем, что наше правительство врет. Стараемся узнать правду из сообщений зарубежных радиостанций. Какая-то из них лягнула, что огонь перебросился на третий блок, и мы решаем уехать из города.

Уезжаем на максимально далекое для нас расстояние - к родителям в Одессу. Собственно, теперь расстояние воспринимается иначе - у радиации другие мерки.

В Одессе нас ждет сюрприз. Начинается эпоха гласности, в связи с чем в одесской прессе появилась большая статья, в которой местные ученые объяснили жителям города, что именно произошло с водой, которую они пьют. Про химикалии, которые попали в воду, когда в верховье реки прорвало

отстойник, про болезни, от которых горожане будут страдать и умирать, — все выложили.

- Может лучше вернуться в радиацию, чем пить такую воду? — с горькой иронией спрашивает муж.

В одночасье все изменилось.

На базаре торговка зазывает покупателей. Она, наверное, не поняла, что произошло, потому что кричит:

- Белорусская картошка. Подходите. Белорусская картошка.

Всего лишь несколько дней назад возле нее толпились бы покупатели, потому что все знают: белорусская картошка — самая вкусная. А теперь все знают совсем другое — на Белоруссию пошло радиоактивное облако.

И возле торговли никого нет.

В одном купе со мной едут два молодых лейтенантика. По разговору понимаю, что их работа как-то связана с Чернобылем.

Вдруг один из них говорит с какой-то особой твердостью в голосе:

- У меня все равно будут дети!

"Но ведь от него ничего теперь не зависит, — думаю я. — Ни желание, ни воля, ни героизм — ничто не поможет. Радиация — враг непобедимый. На него не поскачешь на боевом коне с шашкой наголо."

То, что произошло, потрясло меня своей нелепостью. Как же так? Столько усилий, чтобы открыть эту ядерную энергию, построить станцию, подготовить специалистов - и все для того, чтобы обесмыслить жизнь человека? Абсурд какой-то.

Мысль о том, что Чернобыль — это не случайный эпизод, а признак зловещего процесса, не давала мне покоя. К чему же все мы катимся, если стали опасными для самих себя? Апокалипсис какой-то!..

А ведь о страшных потрясениях "конца дней" предупреждали все пророки. Так может это оно и есть и Чернобыль — только начало?

Да, но пророки говорили еще и том, что наступит какое-то замечательное время, всякие там **перекуют мечи на орала, волк подружится с ягненком** и ...евреи вернутся в Сион.

А вдруг евреи для того и возвращаются, чтобы найти выход из этого тупика? А вдруг государство Израиль не просто так создано, а для чего-то? А вот для чего?

Это был совершенно новый элемент в моем восприятии Израиля.

Я все больше начала задумываться о необычной судьбе собственного народа.

"Что значит эта вечность? Что стоит за нашей особой выживаемостью? Ведь это может указывать на то, что нам известен некий патент самой Жизни."

Чернобыль привел меня к тем мыслям, которых никогда прежде не было: в мире, где взрываются атомные станции, вся надежда только на Израиль.

С Израилем отныне связывались мессианские ожидания.

Как-будто ничего не случилось?

Да, все изменилось к тому моменту, когда мы, наконец, услышали долгожданное: "Выезд за пределы СССР вам разрешен"

Все — национализм, вера в Б-га, мессианские ожидания — спрессовалось в единое убеждение, в единую веру в Сион.

Теперь мне уже казалось, что само появление Израиля — событие настолько значимое, что жить во то время, когда это событие произошло, и не заметить его, не связать себя с ним, просто невозможно.

Однажды в памяти всплыл рассказ Анатоля Франса "Прокуратор Иудеи".

Состарившийся бывший прокуратор Иудеи Понтий Пилат встречается с Элией Ламией, римским аристократом, изгнанным в свое время из Рима и нашедшим приют в Иудее, когда там правил Пилат.

Они вспоминают прошлое, обмениваются мнением по поводу множества вопросов и, естественно, обсуждают народ Иудеи. Пилат этот народ люто ненавидит, а Элий Ламия усматривает даже некоторые достоинства.

Но не из-за иудейской тематики вспомнила я в то время рассказ Анатоля Франса. В этом рассказе потрясает его концовка.

Элий Ламия спрашивает Понтия Пилата о некоем галилейском чудотворце, которого завали Иисус Назарянин.

- Понтий, помнишь ты этого человека?

Потий Пилат нахмурился и поднес руку ко лбу жестом человека, роющегося в памяти. После нескольких секунд молчания он произнес:

- Иисус? Иисус Назарянин? Нет, что-то не помню.

Человек был не только свидетелем, но и участником события, определившего историю. А он это событие не заметил, не обратил внимание на то, что было самым главным в его жизни, что сделало ему имя.

Но разве воссоздание еврейского государства — не эпохальное событие? Мы ждали его 2000 лет. И вот — оно свершилось!

И что же? Все проходят мимо и делают вид, как-будто ничего не случилось.

Но что же делать мне, если для меня случилось?

Я чувствую, как постепенно отдаляюсь от тех, кто не нуждается в еврейском государстве, кого заботит все, что угодно, но только не Сион, кто готов стать "патриотом нового полустанка", но ни в коем случае не патриотом Израиля.

Я не хочу "новых полустанков". Я не хочу жить среди людей, с которыми меня ничто не связывает. Я хочу оказаться среди тех, которые, как Жаботинский, поставили еврейское государство в центр своей жизни.

Я ведь в этом даже не сомневаюсь — такие евреи, как Жаботинский, могли собраться только там, в Израиле.

Страх

Последние часы в аэропорту.
Скоро мы навсегда оставим советскую землю.
Я стою вся зареваная. Не успеваю вытереть один поток слез, как наплывает другой.

Мне страшно.

Страшно не потому, что я уезжаю в неизвестность. Никакая это уже не неизвестность. Столько людей прошло по этому пути, столько нарасказывали всяких историй, столько сообщили подробностей, что кажется, будто я сама проделывала это много раз.

Страшно не потому, что я расстанусь со своими близкими. Я убеждена, что скоро мы встретимся. Да и какие могут быть проблемы в свободном мире, где не нужно ни у кого разрешения спрашивать: захотел — приехал куда угодно, захотел — уехал.

Мне страшно потому, что я боюсь веры.

Вера делает людей безумными.

А я верю.

Но где гарантия, что я не ошибаюсь?

Ведь однажды я уже поверила в пионерский паровоз, несущийся в коммунизм.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

После Исхода

1. Какое счастье!

Конечно, после восьми лет ожидания, восьми лет сомнений и раздумий восприятие жизни и собственных поступков меняется, особенно когда собственный поступок начинает восприниматься как закономерный итог 2000-летнего процесса.

Последнее обстоятельство приводит к тому, что восприятие жизни приближается к опасной черте, за которой начинается истерика.

Мне трудно определить свое восприятие жизни в первые дни на Земле Обетованной — перешло оно опасную черту или нет. Во всяком случае оно было в опасной близости от нее.

Он настоящий!

Нас привезли в общежитие олим ночью. А утром я вышла на улицу, чтобы осмотреть окрестности.

Вдруг ко мне подходит человек и что-то говорит. Нет, он не просто говорит. Он о чем-то спрашивает. И я понимаю, что именно он спрашивает. Я понимаю, о чем на иврите меня спрашивает Настоящий Израильтянин. Он спрашивает, не знаю ли я, где тут поблизости телефон-автомат.

А я знаю, знаю, знаю. Я как раз заметила телефон-автомат, когда осматривала весь квартал.

Какое счастье! Я помнила наизусть весь текст из учебника на эту тему — как пройти, где телефон? И я ответила, показала дорогу.

В общежитие возвращаюсь окрыленной. Рассказываю со всеми подробностями — и где я стояла, и как он подошел, как спросил, что я сказала, что почувствовала и...и...и...

Как мало иногда нужно человеку для счастья!

Священные символы

Я стою на перекрестке и жду, когда на светофоре зажжется зеленый свет. Рядом со мной останавливается амбуланс — белая машина, на которой нарисован большой красный магендавид. Я смотрю не отрываясь на шестиконечную звезду и чувствую, как перехватывает дыхание. До сих пор не могу поверить своему счастью — вот так, прямо на улице разъезжают машины с магендавидами, нашими символами.

- С тобой что-то случилось? Тебе помочь?

Это, кажется, ко мне обращаются.

- Да нет, не нужно. Со мной все в порядке.

Прохожие смотрят недоверчиво. Оказывается, я стою на перекрестке, и слезы заливают мое лицо. Я даже не почувствовала, как это случилось. А они конечно же и подумать не могли, что один вид магендавида может вызвать такую реакцию.

Стопка газет на иврите растет, и я понимаю, что с ней что-то нужно делать.

Мы постоянно покупаем газеты на легком иврите, покупаем и покупаем. А выбросить их я не могу. Просто рука не поднимается. Я ведь привыкла к мысли, что буквы иврита — это святые буквы. Нужно перебороть себя и привыкнуть к мысли, что это буквы повседневной жизни.

А это трудно.

Как все близко

Стою на остановке автобуса и разглядываю таблички с номерами маршрутов.

И вдруг — автобус № 400, Иерусалим.

Я всматриваюсь в эту табличку, которую треплет ветер, и не могу поверить — Иерусалим! Совсем близко. Совсем просто — садись в автобус, покупаешь билетик и приезжаешь в Иерусалим.

Так просто Иерусалим? Совсем как Жмеринка или Комарово?

С улицы раздается крик торговца.

Ой, да что он такое говорит: "Пока не пришел Мессия, купите арбуз".

На иврите "мессия" — "машиах", а "арбуз" — "аватиах". Вот и получается в рифму "машиах — аватиах" — "мессия — арбуз".

Ну совсем по-домашнему!..

Наконец-то мы воссоединились

Дорога плавно поднимается к Иерусалиму. Я сижу в автобусе и чувствую, как медленно погружаюсь в дрему.

Вдруг на меня что-то падает. Открываю глаза. Оказывается, это винтовка М16, принадлежащая солдату, который сидит на соседнем сидении. Он, как и я, задремал и винтовка выскользнула у него из рук.

Солдат смущен, просит прощения, а я улыбаюсь. Почему? Он ни за что не догадается, потому что вслух я этого не произношу.

- А я тебя знаю. Ты — тот солдатик из моей священной коробочки. Ну, здравствуй! Наконец-то мы с тобой воссоединились.

2. Куда мы попали?

От себя не сбежишь

В то счастливое время я и представить себе не могла, что очень скоро придется сделать пренеприятнейшее открытие — ни с кем я не воссоединилась.

Я в эту жизнь не вписываюсь. Реальный Израиль абсолютно не совпадает с образом страны, который породило мое воображение, и жизнь убеждала меня в этом на каждом шагу.

Я постоянно сталкивалась с тем, что не только события и явления оказываются вовсе не такими, какими, мне казалось, они должны были бы быть, но и реакции людей на эти события и явления оказываются иными, чем я ожидала.

Все, что мне казалось противоестественным, всем остальным, напротив, казалось вполне нормальным.

Несовпадение началось с незначительных, на первый взгляд, эпизодов, чему я поначалу не придавала особого значения.

Старый друг моего мужа, у которого к моменту нашего приезда уже был большой стаж жизни в Израиле, предупредил нас: израильское общество еще не сформировалось, поэтому важно определить свой круг, который и будет "вашим Израилем".

Помня его наставления, я не особенно волновалась в каждом конкретном случае "нестыковки" себя с обществом — "ну, значит, это еще не мой Израиль".

Я верила, что "мой Израиль" обязательно найду, потому что вокруг было умопомрачительное множество симпатичных и непохожих друг на друга людей.

Но эпизоды сменяли друг друга, а "мой Израиль" так и не обнаруживался. Наконец, наступил момент, когда я начала понимать — "моего Израиля" просто нет и не будет.

Это открытие заставило меня изменить поведение.

Если поначалу я занимала пассивную позицию — просто уходила в сторону, если видела, что имею дело с "не моим Израилем", то наступил момент, когда с пассивной позиции я перешла на активную.

Я начала наступать.

Имела ли я на это право, если учесть, что приехала в страну, которую строили другие люди, за которую воевали и погибали?

Я убеждена, что у меня не только изначально было это право, но и обязанность.

Во-первых, потому, что эта страна принадлежит всему еврейскому народу, а не только тем, кто в ней родился. А я — не в меньшей степени "еврейский народ", чем все остальные.

А во-вторых, потому, что по мере накопления опыта жизни в реальном Израиле я с каждым днем убеждалась все больше и больше — нет, не я фантазерка и не мои фантазии, выпестованные в течении восьми лет отказа, являются причиной несовпадения. Это все остальные, все окружающие меня люди фантазеры и это их фантазии являются тому причиной.

Если бы им всем, всем остальным, хотя бы раз удалось убедить меня в своей правоте! Но выходило-то все наоборот. С каждым днем я все более убеждалась, что их фантастическое восприятие жизни разрушает саму жизнь. Ничем иным, кроме как Катастрофой, это закончиться не может.

Я много раз пыталась завести разговор на эту тему с разными людьми, способными, по моему мнению, говорить на подобные темы. Но каждый раз наталкивалась на стену непонимания. У всех были свои аргументы, с помощью которых они доказывали, что все явления нашей израильской жизни – пусть часто неприятные и даже возмутительные, – находятся в пределах нормы.

Мне так не казалось. Я все более убеждалась в том, что не только все, что творится вокруг, не является нормальным, но и само израильское общество – это аномалия.

Моя категоричность отпугивала. Поэтому у меня не было иного выхода, кроме одного – опять уйти в себя, даже не надеясь на какое-то понимание окружающих меня людей.

Я опять оказалась одиночкой против всех. Но меня это уже не смущало. За свою жизнь я привыкла к такому состоянию. И теперь возвращалась к нему как к естественному, которое, очевидно, написано мне на роду.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Кто я?

1. Я — феминистка?

Еврейская мудрость

Это случилось после того, как начитавшись "рекомендованной литературы", я начала искать возможности расширить свои познания.

Однажды мы с мужем решили съездить на несколько дней в Москву - повидаться с друзьями, походить по музеям и театрам.

И вдруг я узнаю, что в тот самый вечер, когда у нас появилась возможность попасть на один замечательный спектакль, который мы давно хотели посмотреть, где-то на окраине Москвы собираются евреи, чтобы изучать Тору.

Мои планы резко меняются.

- Такой шанс упустить нельзя ни в коем случае! – убеждаю я мужа. – Спектаклей много, но где и когда мы сможем присутствовать на уроке Торы?

Муж в шоке. Его интересует спектакль, меня – еврейская мудрость.

Начинается выкладывание аргументов каждой из сторон.

Я стою насмерть, как 300 спартанцев: еврейской мудрости хочу, а больше мне в жизни ничего и не надо. В ход пошли обычные женские угрозы: "Ну и что? Подумаешь! А я и не зову. Сама поеду."

Этого мой рыцарь допустить не мог.

Мы не разговариваем. Молча выходим из гостиницы, молча тащимся через всю Москву. На окраине, среди унылых московских новостроек, находим дом, как две капли похожий на остальные дома, а в нем квартиру, точно такую же, как и квартиры всех соседей.

Заходим внутрь. Встречают очень дружелюбно. Да, подтверждают, именно здесь и будут евреи изучать Тору. Где? Вот в этой комнате.

Я захожу в комнату. Чисто убрано. Свежий воздух. Спокойная обстановка. В центре комнаты стоит стол, покрытый белоснежной скатертью. На нем лежат книги. Я подхожу к столу и открываю первую попавшуюся из них.

Так вот как выглядит еврейская мудрость! Очень непонятно выглядит. В центре что-то написано большими буквами, а вокруг мелкими, только почему-то разные отрывки разным шрифтом.

Что же это все значит? Скоро узнаю, недолго осталось.

Наконец, появились непосредственные участники собрания.

Обыкновенные московско-еврейские интеллигентные мальчики, с юности привыкающие разговаривать с проносом профессорской старости. Они

изменились — все отрасли бороды, на головы надели кипы и по-новому, впрочем, с тем же прононсом, называют друг друга — "реб".

Оглядев присутствующих, я переключила свое внимание на книги. И вдруг слышу, как хозяин дома произносит:

- А вас я попрошу выйти.

Я начала оглядываться. Кто-то что-то сказал? Кто-то к кому-то обратился?

- Я к вам обращаюсь. Выйдите, пожалуйста, из комнаты.

Хозяин дома произносит эти слова, глядя мне прямо в глаза. Что он имеет в виду? Я прореагировала на его слова так, как реагирует человек, убежденный в том, что его разыгрывают.

То, что они не шутят, до меня дошло только тогда, когда силой вытолкнув меня из комнаты, хозяин дома со злостью захлопнул перед моим носом дверь.

Против моего ожидания мой муж вовсе не бросился мне на выручку. Молча наблюдал, как меня выгоняют. Какая наглость!

О причине его поведения я догадалась по колюче-насмешливому взгляду, который уловила в последнюю минуту моего пребывания в святилище еврейской мудрости: "Ну что? За что боролась, на то и напоролась? А из театра, между прочим, тебя бы никто не выгнал".

Я оказалась на женской половине, отделенная от еврейской мудрости дверью, запертой на ключ.

Дамы тоже смотрели на меня с насмешкой, дескать, привыкай, голубушка, к "правильной" жизни, да, да, это тебе не Клара Цеткин с 8 марта.

- Дурехи! — в сердцах обругала я их и ушла в кухню, где просидела с сигаретами все время, пока шел урок.

Наконец, дверь отворилась. Вместе с другими мужчинами мой муж вышел из комнаты, где приобщался к еврейской мудрости без меня, и через некоторое время мы уже бодро шагали к метро.

Муж зловеще молчал. И вдруг сквозь пургу до меня доносится его голос:

- По-моему, я задал им нормальный вопрос: откуда вам известно, кто отец у кошек?

- Чтооооо? Какие кошки?

Позже мы узнали, что наши мудрецы действительно разбирали вопрос о кошках. Но они разбирали такое множество вопросов, что вероятность попасть именно на вопрос о кошках была ничтожной. Нам просто "повезло".

Это же надо так влипнуть! Единственный раз появилась возможность приобщиться к еврейской мудрости. И что же? Меня выставили за дверь, а с моим мужем разбирали вопрос о том, какой масти должен быть отец кошки, чтобы она считалась "кошерной" — черной или белой.

Да, пути еврейского счастья неисповедимы.

Впрочем, я не считаю, что потеряла этот вечер. Свою порцию мудрости я все же получила.

Когда высоколобые московские мудрецы присоединились к дамам, я тут же подошла к хозяину дома:

- Ну хорошо. Меня вы из комнаты выставили. Может хотя бы объясните смысл своего поступка?

И он объяснил.

- Понимаете. Женщина по своей природе ближе к Б-гу. Постижение дано ей изначально. А вот мужчине, чтобы удостоиться мудрости, нужно прилагать множество усилий. Занятия Торой помогают мужчине приблизиться к Б-гу, оттачивают его мысли. Вы представляете, что будет, если это оружие попадет к женщине? Да с ней же сладу не будет!

Потом я слышала множество объяснений статуса женщины в нашей традиционной культуре. Допускаю, что последняя фраза моего обидчика — это его личное мнение по этому вопросу, хотя скорее всего это все же не его мнение, а мнение авторитетов.

Я просто думаю, что именно в последней его фразе вся еврейская мудрость и сосредоточена. Наконец-то, я поняла, почему наш мир выглядит так паскудно: правила игры в нем определяют те, кто слишком далеки от Б-га.

7. Я – гомо советикус?

Так ли уж мы плохи?

Этот семинар организовало Израильское женской лобби для "русских" женщин, которые как-то себя проявили.

Инструкторы работали с нами по каким-то налаженным методикам, добиваясь раскрепощенности и несвойственной нам готовности прилюдно говорить на любую тему.

В одном из заданий нам предлагалось назвать героя из книги, который в детстве был кумиром, и объяснить свой выбор.

Я честно назвала своего героя.

- В детстве моим самым любимым героем был Саня Григорьев из "Двух капитанов" Каверина. Может быть потому, что он, как и мой отец, был летчиком, поэтому все летчики мне кажутся немного родственниками. Но главное, конечно, потому, что мне нравятся цельные натуры. Я была потрясена его способностью пронести мечту через всю жизнь. Я даже его девиз сделала своим девизом "Бороться и искать, найти и не сдаваться".

Что тут началось! Свои же на меня набросились, как на врага народа.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Я - сионистка

1. Еврейское народничество

Иные проблемы

- А знаешь, меня это больше не волнует.

Моя подруга из Нью-Йорка делится со мной своими переживаниями. Она видит, как на просмотр фильма Мела Гибсона "Смерть Иисуса" детей-христиан водят целыми группами. И ее это возмущает.

А меня нет. Меня теперь волнуют совсем иные проблемы.

Я не выбрала землей своего обитания ни Нью-Йорк, ни Торонто, ни Мельбурн. Я выбрала, как поется в нашем гимне, землю Сиона и Иерусалима.

А это не просто другая точка на карте. Это другая точка зрения на все, что происходит.

На протяжении четверти века я наблюдаю, как по-разному мы меняемся в зависимости от своего судьбоносного выбора, как каждый прожитый год разводит в разные стороны тех, кто выбрали Землю Обетованную, с теми, кто выбрали новый *галут*. Я могу сравнивать, потому что знаю и то, и это. И я свидетельствую: нет ничего общего между жизнью в *галуте* и жизнью в собственном отечестве, на земле предков.

*

На этой земле я по-иному воспринимаю наш народ.

Я хожу по улицам наших городов и всматриваюсь в их названия, хотя и без вывесок прекрасно знаю, где нахожусь. Я просто хочу еще раз пережить удовольствие, которое получаю от самих названий: улица гор Шомрона, улица царя Давида, площадь Сиона.

Четверть века я хожу по своей стране, но чувство это сохраняет свою свежесть и я испытываю то же волнение, какое испытала 25 лет назад, когда стояла посреди Тель-Авива и слезы радости текли у меня из глаз только потому, что место, на котором я стояла, называлось "Площадь царей израилевых".

Я вслушиваюсь в имена, которые носят окружающие меня люди — Йорам, Рои, Рахель, Овадья, Йохевед, Наама — и это те самые имена, которые носили персонажи Б-гооткровенной Книги.

Эти имена полны смысла только здесь, где говорят на том же языке, на котором написана Б-гооткровенная Книга: Микаэль - "Кто, как Б-г", а не бессмысленные Михаил или Майкл; Иехезкель - "Б-г укрепит", а не непонятно откуда взявшийся Иезекиил. Только здесь я поняла, почему в египетском рабстве евреям было вменено в заслугу то, что не сменили они своих имен: эти

имена крепко-накрепко связали предков с их потомками. Поэтому потомки так естественно вновь заселяют эту землю.

Только на этой земле можно понять, насколько национальные праздники нужны народу, чтобы пережить это волнующее чувство "Мы". И я вновь и вновь переживаю это чувство, когда в обычном супермаркете "шабат шалом" говорят друг другу продавец и покупатель; когда накануне Песаха бумагой закрываются целые полки с "непасхальными" продуктами. Я люблю вслушиваться в замирающие звуки накануне дня Суда Йом кипур, в звуки пения Пасхальной агады, несущиеся из каждого дома.

В *галуте* все иначе. Там по-другому расставлены акценты. Там иная ткань всей жизни, в которую может вписываться Мэл Гибсон с его переживаниями.

А здесь для него места нет.

*

На этой земле я по-иному отношусь к неевреям, которых мы называем *гоим*.

Здесь они оказались в нашем национальном доме, в стране, в которой мы хозяева, — и те *гоим*, которые жили здесь прежде, до нашего прихода, и те *гоим*, которые пришли сюда вместе с нами. И поэтому за все проблемы, которые возникают между нами и ними, я спрашиваю не с них, а с нас.

Арабы бунтуют? Значит не смогли мы создать такое государство, в котором бы эти потомки нашего общего праотца Авраама увидели осуществление пророчества, хорошо известного им из Корана. Значит, не смогли мы своим поведением убедить их, что в нашем Исходе *из Земли Северной и всех земель* есть Высший Смысл, значимый и для них.

Сохнут навез сюда антисемитов, которые безбоязненно обзывают евреев "жидами" и рисуют свастики на стенах? Значит, мы так и не поняли, как нам строить наш национальный дом, и не научились показывать другим, кто в этом доме Хозяин.

Но главное не это. Я вижу в присутствии неевреев в нашей среде осуществление пророчества **"И скажут народы: Давайте взойдем в дом Б-га Якова, чтобы научил Он нас путям своим..."**. И все время думаю об этих путях, ибо убеждена, что эти пути выводят нас за пределы конфессиональных и национальных раздоров. Есть нечто, что несоизмеримо выше всего, к чему мы все привыкли, нечто, что нас объединяет, а не разъединяет — есть Создатель Мира, Творение, которое Он благословил, цивилизация, которую создал Человек. И евреи, и неевреи — лишь потомки этого Человека, созданного по образу и подобию Б-га.

Значит, есть и у них миссия на этой Земле Обетованной.

Поэтому и думаю я о новой семейной культуре, о государстве нового типа, а не о фильме Мела Гибсона. Здесь я могу себе это позволить, потому что нахожусь в позиции Хозяйки дома, а не приживалки, пугливо втягивающей голову в плечи от каждого окрика хозяина.

*

На этой земле я по-иному вижу глобальные проблемы, которые волнуют сегодня всех. Как решить эти проблемы? Есть два пути: один из них ведет в Вавилон, другой в Иерусалим.

Путь в Вавилон — это создание мирового правительства и разрушение национальных государств, перемешивание всех народов и стирание различия между Добром и Злом. Это путь восстания против Б-га.

Путь в Иерусалим - это укрепление национальных государств, в каждом из которых каждый народ сможет подвергнуть ревизии свою национальную культуру, чтобы прийти к Единому Б-гу.

Путь в Вавилон прокладывает ООН, международные организации, все Интернационалы. И вот что удивительно: в авангарде массы, движущейся по этому пути, не идут, а бегут многочисленные евреи.

Путь в Иерусалим можем проложить только мы, Свидетели Откровения. Для того и собираемся мы на Земле Обетованной. И нас на этом пути поддерживают многие христиане. А придет время поддержат и мусульмане. Потому что нет Третьего пути. Есть только два, направленные в разные стороны. Потому и сказали наши мудрецы: **"Тот, кто строит Вавилон, разрушает Иерусалим"**.

Так что Мэл Гибсон опоздал. То, что волнует его, уже не волнует даже христиан. С какой же это стати мне волноваться?

Опять "в отказе"

- У меня больше нет возможности заниматься общественной деятельностью. Прошу ко мне больше не звонить.

Я окончательно осознала, что проблемы, которые я считала частными, таковыми не являются. Все они — головы одной гидры. Бессмысленно отрубать одну голову, если на ее месте вырастают две новые. Бессмысленно тратить свое время и свои силы на решение одних проблемы, если в это время плодятся множество проблем новых. Бессмысленна вся эта общественная деятельность, если она лишь маскирует корень зла и порождает тех, кто на этой деятельности паразитирует.

Общественным организациям нужны такие активисты, как я, чтобы записать мою деятельность на свой счет. Вот они и трезвонят мне все время по телефону. Но я больше в эти игры играть не намерена. Поэтому и прерываю их в самой резкой форме: "Прошу ко мне больше не звонить."

С каждым днем телефон звонит все реже, пока не замолкает совсем. И я опять, как в далеком теперь уже "отказе", оказываюсь вне игры. На сей раз совсем одна.

Мне нужно сосредоточиться, все проанализировать, чтобы понять, что происходит и почему то, что происходит, происходит именно так, а не иначе.

В Советском Союзе для подобного анализа в моем распоряжении была советская реальность и Б-гооткровенная Книга. Реальность я анализировала головой. В Книгу поверила всем сердцем и всей душой. Теперь в моем распоряжении есть та же Б-гооткровенная Книга, вера в которую только окрепла, и все та же реальность, но не советская, а израильская. Значит нужно опять задействовать голову.

На общественные "науки" я уже не надеялась.

Опять к народу

С чего начать?

Обратиться к народу. Ведь когда-то загадочная вечность моего народа стала для меня веским аргументом в момент выбора: Израиль или новый *галут*. Да, да, нужно обратиться к народу, всмотреться в него.

И это верный путь.

По этому пути шел Теодор Герцль.

Все верили, что грядет блаженное время, когда евреи смогут записаться в любой народ и вообразить себя "французами", "немцами", "русскими". Но Герцль всмотрелся в народ и увидел три важнейшие вещи: евреи рвутся в цивилизацию и поэтому порывают с традиционной общиной, ставшей евреем тесной; еврей надеется, что, порвав с общиной, он сможет влиться в другой народ; еврей не сможет влиться ни в один из народов, так как евреи с другими народами несмешиваемы.

Он трезво проанализировал реальное положение вещей и сделал единственно правильный вывод:

"Наша проблема в том, что мы, евреи, разодраны рассеянием на части и по частям заперты в свои общины. Мы утратили качества полноценного народа. Если нам так дорога цивилизация, мы должны вновь стать народом полноценным и построить для себя собственное современное государство".

В таком отношении к народу Герцль был истинным продолжателем дела наших еврейских мудрецов. Когда в их времена рухнул Храм, они тоже всмотрелись в народ. Сам народ подсказал им путь, по которому они пошли и повели за собой других.

Иного выхода нет.

*

Халуцы-первопроходцы тоже верили в народ какой-то сверхестественной верой. Они вовсе не были слепы и понимали, с каким трудным народом имеют дело. И все же верили: евреи создадут особое государство – духовный центр, образцово-показательное общество.

И только Жаботинский был согласен на любое государство, потому что его волновал сам народ – такой, какой есть. Государство – это условие, обеспечивающее народу естественное существование. Пусть сначала будет обеспечено это условие. Разбираться будем потом.

Лишь поселившись в Израиле, я смогла оценить правоту своего Учителя: для начала народ должен стать самим собой. И чем дольше я жила в Израиле, в естественной среде народа, чем больше всматривалась в его качества – неважно, позитивные они или негативные – тем больше проникалась верой в Б-гооткровенную Книгу. Книга говорит Правду и вот доказательство: стоило народу вернуться, прикоснуться к родной земле, как он тут же проявил себя как тот самый народ, который описывает Книга.

Чужак в обычных израильтянах этого не обнаруживает. Чужак, напротив, с пренебрежением посмотрит на их небрежный вид, сморщится, услышав их крикливые интонации. А я это вижу.

Меня давно не удивляет, что фантастические слова Б-гооткровенной Книги о возвращении народа в Сион оказались нашими буднями. Но я не перестаю удивляться тому, как в простом израильтянине неожиданно обнажается суть народа, о котором повествует Б-гооткровенная Книга.

Так это тот же народ

Он тель-авивский таксист. Я села в его машину и мы разговорились о том, да о сем. Постепенно разговор перешел на волнующую тему — взаимоотношения с нашими соседями-арабами. И вдруг он восклицает с негодованием:

- Это все из-за Шмуэля. Если бы не он, мы бы уже давно со всеми жили в мире.

Я пытаюсь понять, какого Шмуэля он имеет в виду. Министра, что ли? И вдруг догадываюсь — да это он о пророке Шмуэле, помазавшем на царство первых царей Израиля Шауля и Давида. Тогда царь Шаул оставил в живых царя Агага, благодаря чему, по преданию, Агаг успел передать семя Амалека, ненавистника Израиля, следующим поколениям. Неукротимый Шмуэль собственноручно Агага убил.

3000 лет прошло, но мой случайный собеседник их не ощущает. Для него с тех пор ничто не изменилось. Пророки — всего лишь его родственники и соседи. Если бы пророк Шмуэль выставил свою кандидатуру на выборах в кнессет, этот тель-авивский таксист за него бы не проголосовал. Он с пророками спорит до сих пор, решая вечную проблему — евреи среди народов мира.

И, что самое любопытное, таксист этот прав. Эта проблема и в самом деле всегда злободневна.

*

Он — мой сосед, страховой агент. Летним вечером, одетый в футболку и обутый, как все израильтяне, в сандалии на босу ногу, он приходит со своим раскладным стульчиком на лужайку между домами, чтобы пообщаться с соседями.

Как-то раз мы разговорились с ним, и выяснилось, что он страстный любитель Моцарта. Что он любит из Моцарта?

- Да все, — отвечает он и тут же начинает насвистывать такое количество тем из симфоний и концертов Моцарта, что может дать фору многим профессиональным музыкантам. Из исполнителей он признает только Даниэля Баренбойма, потому что...

- Я уверен, — доверительно сообщает он мне, — душа Моцарта вернулась в мир в Баренбойме.

Нет, он не увлекается каббалой, как это теперь повелось. Все это в нем переплетается естественно: футболка, Моцарт, перерождение душ.

*

- Давай прогуляемся по нашему городу, — предлагает мне приятельница, которая в этом городе живет давно и многих знает.

Мы проходим пару кварталов, заходим в один из домов и подходим к двери одной из квартир. Дверь не заперта: эта квартира сегодня открыта для всех.

Мы входим в гостиную и присоединяемся к присутствующим. Их человек двадцать. Сидят они вокруг небольшого журнального столика и о чем-то спорят. Через некоторое время я понимаю, что среди присутствующих двое являются ведущими. Только выглядят они странно: один — ярко выраженный ортодокс, другой — не менее ярко выраженный светский. Потом выяснилось, что один — хасид, а другой — киббуцник из ультралевого киббуца. Они читают Книгу, обсуждают прочитанное и переносят выводы на актуальные проблемы. Кто-то входит в квартиру, кто-то выходит, некоторые знакомятся друг с другом. Тем не менее все с легкостью присоединяются к дискуссии как люди, живущие общими проблемами и занятые общим делом.

Я тоже подключаюсь, потому что, не сговариваясь с ними, давно уже делаю то же самое: читаю тексты Б-гооткровенной Книги и стараюсь извлечь из Нее актуальные идеи.

- Я знаю еще несколько таких квартир, — говорит приятельница, когда мы выходим на улицу.

Я смотрю на окно комнаты, в которой мы только что находились. Оно ничем не отличается от всех других окон. И я смотрю на другие окна: может быть за любым из них также сидят люди, читают Книгу и рассуждают?

И мне вдруг мерещится, что нахожусь я не в современном Израиле, а в Израиле эпохи Второго Храма. "Вот также когда-то по этой земле ходили пророки и проповедники. Вот также вокруг них собирались слушатели и последователи, рассуждали и спорили — думаю я. — Ничто не изменилось."

*

Я люблю, находясь в толпе израильтян, вслушиваться в их разговоры. О чем они говорят? В основном о семейных делах и деньгах. Реже о делах производственных и впечатлениях, которые у всех разные. Но я многократно была свидетельницей поразительной легкости, с которой все переходят на Книгу. И к какой бы группе населения они не принадлежали, как бы

многовековое рассеяние не изменило каждого из них, возвращение на Землю Обетованную волей-неволей возвращает и к Книге. Потому что только на этой Земле Книга обретает свою естественную актуальность.

Случайные встречи и знакомства. В Израиле ты никогда не знаешь, какой пласт тебе кроется в человеке под его внешностью и сколько этих пластов накопилось за многие века.

Да и можно ли это узнать, если в Израиле у нас на глазах происходит то, что предсказали еврейские пророки: народ возвращается на землю предков *из всех земель*?

И все же это уже другой народ

Я, разумеется, знала, что в Израиль евреи возвращаются из разных стран. Но одно дело знать это теоретически. И совсем другое дело — столкнуться с этим на практике.

Вскоре после начала первой интифады (а она началась через 5 месяцев после нашего приезда в Страну) я зашла в лифт и обмерла: в лифте стояли два араба. Двери лифта закрылись, и я приготовилась к нападению.

Ничего подобного не произошло. И мне это показалось странным. Позабыв о том, что я направлялась на работу, что маршрут по минутам рассчитан и незначительное отклонение от графика означает опоздание на автобус и значительное опоздание на работу, я ворвалась в кабинет завхоза общежития.

- Шмулик, — ору я с порога — ты с ума сошел. Я уйду на работу, оставляю ребенка одного. А у тебя тут арабы ходят.

- Какие арабы? — недоумевают Шмулик. — Где ты видела арабов?

Я описываю ему своих попутчиков из лифта.

Шмулик, наш парень из Закарпатья, хохочет так, что остановиться не может.

- Да это не арабы, — говорит он, надрываясь от хохота. — Это у нас евреи такие. Ну ничего, — успокаивает он меня. — поживешь в Израиле — привыкнешь.

Я и в самом деле привыкла. И чем больше я привыкала, тем интересней мне становилось и тем больше я понимала Жаботинского, которого подкупала душевная теплота "восточных" евреев, выходцев из стран ислама.

*

Я услышала его рассказ по радио.

Событие, о котором он рассказывал, произошло во время войны Судного дня. Он воевал на египетском фронте. Египетская армия уже была окружена и израильские солдаты подавляли последние очаги сопротивления. Он оказался лицом к лицу с одним египтянином, которого легко мог убить. Глаза их встретились и он вдруг спросил по-арабски:

- Ты откуда?

- Из Александрии - ответил египтянин.

Александрия была тем самым городом в Египте, где родился и вырос он.

- А из какого квартала? - спросил он.

Египтянин назвал квартал и это был его квартал.

- Я не мог убить этого египетского солдата, потому что мы росли вместе, — закончил свой рассказ старый израильский солдат.

*

Она родом из Ирана. Я сижу у нее дома, мы пьем кофе и беседуем на самую злободневную теперь тему — Иран, аятоллы, атомный реактор и все, что из этого следует.

Она вспоминает, каким был Иран до революции аятолл, а я с интересом слушаю ее. Вдруг она встает и включает телевизор. Оказывается, ее телевизор подключен к какому-то иранскому каналу, который транслирует концерт. Она меняется в лице и начинает двигаться под музыку, всем своим телом выражая слияние с ней.

- Ты это любишь? — спрашиваю я у нее.

Ее губы расплываются в блаженной улыбке и она прижимает руки к груди так, как-будто держит в них любимого ребенка.

Слова не нужны. И так все ясно.

*

Я на семинаре "Евреи в странах ислама". Докладчик рассказывает о музыке иракских евреев, иллюстрируя свой доклад музыкальными отрывками.

Рядом со мной сидит мужчина "золотого" возраста, благообразной восточной внешности, выдающей его принадлежность к кругам академической элиты. Он слушает музыку, стараясь незаметно смахнуть рукой набегающие слезы. А слезы упрямо все бегут и бегут.

"Избранный народ"

Шмулик был прав: нужно было пожить в Израиле.

Но не для того только, чтобы привыкнуть к новому еврейству, которое в *галуте* этой своей новизны не обнаруживает, а когда случайно обнаруживает, то этой новизны не осознает. Нужно было пожить в Израиле, чтобы сделать открытие, которое в *галуте* сделать невозможно: 2000-летнее рассеяние является непременным условием реализации еврейской "избранности".

Уже в первые годы израильской жизни мои наблюдения вели меня к этому выводу. Правда, об "избранности" я поначалу не думала вообще. Я просто старалась осмыслить реальность, найти ответ на мучивший меня вопрос, к которому я все время возвращалась: что объединяет людей?

"Как странно, — думала я. — Коммунистам не удалось создать единый советский народ, хотя под их руководством мы поколениями жили, как один народ. Почему же в Израиле мы, такие разные, считаем себя одним народом безо всякого руководства? Сколько бы мы не ссорились друг с другом, сколько

бы не воевали, ощущение единства пересиливает все. И разве я одна это чувствую? Ведь нет же, другие чувствуют то же самое. Не могут же все люди сговориться в таких делах."

В чем причина этого удивительного явления?

Мое стремление думать о евреях и не думать ни о ком ином все более входило в противоречие с тенденцией прямо противоположной. В начале 90-х годов, когда Советский Союз на глазах разваливался, все вокруг вновь заговорили о новом мировом порядке, при котором никто и ничто уже не будем препятствовать единству всех осчастливленных людей.

"В "пролетарии всех стран, соединяйтесь" мы уже поиграли, – ворчала я. – Кому-то опять не терпится поиграть в мировой интернационал. Не наигрались. У большевиков ничего не вышло, так теперь эти лезут туда же. Думают, у них получится. Неужели до сих пор неясно, что из этой затеи ничего не выходит?"

Проблему единства нельзя было проигнорировать, так как она обступала со всех сторон. И я опять обратилась к Б-гооткровенной Книге.

Странная картина предстала передо мной.

Б-г хочет единства людей. И пророки пророчествуют об единстве конца дней, когда все народы "**перекуют мечи на орала**" и признают Единого Б-га. Но Б-г и не хочет единства. И это доказывает история строительства и разрушения Вавилонской башни. Такое единство Б-г объявил Злом.

Значит, единство единству рознь. Есть единство под властью Б-га, единство сыновей Ноя. И наше предание даже перечисляет Семь законов сыновей Ноя, которые должны быть положены в основу этого единства. А есть единство Вавилонской башни, единство разных Интернационалов, единства под властью мирового правительства ООН.

Одно единство отрицает другое единство. В этом суть проблемы. И она связана с нами, евреями. Мы, евреи, едины потому, что являемся потомками общих предков, членами единой семьи. Народы же не могут достичь единства потому, что у них этих общих предков нет. Объединяющей силой являемся мы, евреи, потому что связаны со всеми народами. Мы впитали в себя опыт их предков и теперь эти народы живут у нас внутри, в наших душах. Для этого и понадобилось рассеяние: оно сделало природу еврейства двойственной.

А мы захотели стать, как все народы, удостоится номера в списке ООН. Стоило ли прожить такую великую судьбу, чтобы свести ее к такой мелкой цели? Да из этой затеи все равно ничего не выйдет. Мы уже не как все народы. Наша двойственная природа объективно делает нас уникальными.

На этой двойственной природе мы и должны основать свою национальную идею. В противном случае мы не решим ни одной проблемы - ни проблемы наших взаимоотношений друг с другом, ни проблемы нашего положения среди народов.

Эти выводы так потрясли меня, что я решила изложить их в статье, которую назвала "Избранный народ".

"Мы приходим с Запада с его индивидуализмом, с Востока с его клановостью, - написала я в этой статье - ...и никто из нас не

согласится, да и не должен соглашаться, что он хуже другого, так как у каждого из нас есть свои достоинства и свои недостатки. Наша цель - отделить зерна от плевел, осознать, что именно воспринятые у народов модели бытия вносят в наше сознание, найти ту основу в системе ценностей, которая вновь сделает нас единым народом, реализовать ее в родительской культуре и создать тип общественного устройства, при котором у еврея, независимо от страны исхода, возникало бы ощущение универсальной еврейской родины. Этот опыт народы смогут использовать, чтобы найти свою первооснову праотцев - Законы сыновей Ноя"

Это была вторая статья в моей жизни. Я отпечатала ее на привезенной из Союза пишущей машинке "Erica", так как компьютера у меня еще не было, и отнесла в редакцию журнала, где редактором работал мой старый знакомый еще по "отказу".

- Ну кто будет читать твое сочинение? – спросил он меня недоуменно. – Люди тяжело работают. Они устают и берут газету, чтобы отвлечься. А ты к ним со своими рассуждениями.

Я забрала статью и ушла, не подозревая, какую роль она сыграет в моей жизни.

2. Последний раввин

Письмо Любавичского ребе

Это случилось в конце августа, накануне *Рош ха-шана*, еврейского Нового года. Ко мне позвонила моя подруга и рассказала о своем знакомом. Он – наш парень, приехал с Украины, из Закарпатья. Но родился и вырос в семье любавичских хасидов и теперь живет в Нью-Йорке возле Любавичского Ребе.

- Этот парень как раз сейчас возвращается в Нью-Йорк. Хочешь дать ему список людей, чтобы Ребе их благословил? – спросила у меня подруга.

- Хочу – ответила я.

Я подошла к своему письменному столу, чтобы составить список. И вдруг взгляд мой упал на статью "Избранный народ". Не знаю, что подтолкнуло меня, но я перевернула статью и написала весь список на обратной стороне последней страницы.

- Спроси у твоего знакомого, не согласится ли он передать Ребе мой список вместе со статьей? – попросила я подругу.

Он согласился, статью взял, и вскоре уехал в Нью-Йорк. Сообщений от него не было никаких и этот эпизод постепенно переместился на задворки моей памяти.

Однажды вечером – это было уже в ноябре, – когда я вернулась с работы, муж протянул мне письмо:

- Это тебе из Нью-Йорка.

- От кого? – спросила я, не сомневаясь, что письмо пришло от кого-нибудь из моих знакомых.

- Письмо, насколько я понимаю, от Любавичского Ребе – сказал муж.

- Как от Любавичского Ребе? Мне письмо от Любавичского Ребе?

Я взяла в руки конверт. Спешно открыв его, я развернула письмо и убедилась в том, что муж прав. Письмо и в самом деле было от Любавичского Ребе, но разобраться в том, что в нем написано, я не смогла из-за обилия характерных для нашей традиции аббревиатур.

- Я могу сейчас прийти к тебе? – тот час же позвонила я подруге. – Тут я письмо получила от Любавичского Ребе, а понять его не могу.

К расшифровке письма подключился муж подруги, который закончил религиозную школу. Основной текст мы разобрали, по оставались неясности и друзья посоветовали мне обратиться в *Бейт Хабад* – хабадский общинный дом, который был в нашем городе.

Наконец, с помощью хабадников я смогла понять, о чем идет речь. Кроме слов, связанных с моей просьбой, были и слова о присланной статье. Два первых слова были написаны в виде аббревиатуры, но остальные полностью: *т..х. аль маамар, ше шалахт* – мое одобрение (или большое спасибо – трактовка зависит от расшифровки *т..х. тшуат хен* или *тода хама*) статьи, которую ты прислала.

Это было за год до смерти Ребе. Я знала, что он тяжело болен. И поэтому когда кто-то из моих знакомых высказал сомнение в подлинности ответа Ребе, засомневалась и я, и начала наводить справки у хабадников.

- Ребе и в самом деле был в состоянии ознакомиться с содержанием моей статьи? - спрашивала я у них.

- Можете в этом не сомневаться – успокоили меня они. – Ребе окружен людьми, которые знают, как с ним общаться. Никто из них не посмел бы написать письмо от имени Ребе.

Ребе от нас ушел

Статьей "Избранный народ" не ограничились мои размышления о современном состоянии нашего народа. Окружающая меня жизнь каждый день добавляла новые факты, которые я постоянно анализировала, стараясь уложить их в логичную картину. Эти размышления полностью захватили меня. Мысли приходили и днем, и ночью, не давая мне покоя. Но не это было самым худшим в ситуации, в которой я по этой причине оказалась.

Мои мысли приводили меня к конфронтации с раввинизмом, которая становилась более жесткой с каждым днем. Как совместить эту конфронтацию с письмом от Любавичского ребе и с тем трепетным чувством, которое я испытывала к этому неповторимому человеку?

"Ребе никогда не приезжал в Израиль. Он говорил, что нужен евреям в диаспоре. Что же это могло означать?" – размышляла я.

Есть множество ответов на вопрос "почему ребе ни разу не посетил Израиль?". Я объяснила его поступок по-своему, я должна была объяснить самой себе его поступок, чтобы разрешить мучащее меня противоречие.

И мое объяснение меня удовлетворило.

Раввинизм сформировался после разрушения Храма. Его функция – рассеивание народа и удержание его в ограниченной общине. Поэтому в диаспоре он продолжает выполнять эту функцию. В условиях независимого государства народ столкнулся с необходимостью начать обратный процесс, *киббуц галуйот*, собирание рассеянных диаспор. Вот тут-то и стало очевидным, что раввинизм свой потенциал исчерпал, так как этому препятствует.

Дело не в раввинизме как таковом, а в его функциональной ограниченности. Каждый рав по-прежнему собирает вокруг себя собственную паству. Но собрать вокруг себя народ ни один из них не может, не может собрать весь народ, проблем которого ни один из раввинов не понимает. Проблемы эти давно вырвались за пределы традиционной общины, как проблемы юноши вырвались за пределы детского манежа, в котором он когда-то делал свои первые шаги.

Не удивительно, что раввины утратили былой авторитет в народе, сохранив его только в собственной общине. Государство породило у раввинов уверенность в том, что они могут этот авторитет народу навязать, используя для этого государственные структуры.

Любавичский ребе свой авторитет не навязывал никому. Народ сам шел к нему. Уроженцы страны и евреи диаспоры, ашкеназы и сефарды, соблюдающие заповеди и отказавшиеся от их соблюдения, военные и штатские — Любавичский ребе воплощал в себе единство народа, потому что был открыт для всех. Он не боялся предсказывать события и даже те евреи, которые скептически относились к религии вообще и ко всякого рода предсказаниям религиозных авторитетов в частности, не могли не поражаться точности его предсказаний.

Любавичский ребе был тем раввином, который нужен был народу в эти дни *киббуц галуйот*, когда невозможно более закрыться в собственной общине от еврейского народа. Как нам сегодня его не хватает! Таких раввинов более нет.

Любавичский ребе был последним раввином.

Я до сих пор не знаю, что следует из слов Ребе. То, что основную идею, изложенную в статье "Избранный народ", Ребе поддержал, очевидно. Но я в своих размышлениях пошла дальше.

А показать результаты некому: Ребе от нас ушел.

3. «Парадокс Пятой заповеди»

Карл Маркс и Теодор Герцль

Идея "Избранного народа" захватила меня полностью.

Я пришла к выводу, что все проблемы — как те, с которыми столкнулась я лично, так и те, с которыми так или иначе сталкивались окружающие меня люди — не решить в существующих системах идей. Необходимо создание новой системы идей. И тогда я решила предпринять попытку ее создания.

Так родилась уже книга, которую я назвала "Парадокс Пятой заповеди".

Вдохновляли меня те же источники, что и прежде: Б-гооткровенная Книга и реальная жизнь, которая постоянно поставляла мне факты для анализа. Вопросы, один острее другого, требовали ответов и я упорно их искала.

Как случилось, что в начале XX века евреи были народом пассионариев, а к началу XXI века совершенно выдохлись? Почему в начале XX века евреи верили в будущее и рвались его создавать, а теперь пассивно наблюдают, как построенное разрушается. Куда исчезли идеалисты, которых еврейская среда начала XX века рождала в таком изобилии?

*

Причина мне казалась очевидной: в начале XX века евреев вдохновляли две идеологии. Несовместимые друг с другом, они обладали общим качеством: каждая на свой лад объясняла реальный мир и его проблемы и показывала направление, в котором нужно двигаться, чтобы эти проблемы решить.

Одну такую идеологию создал Карл Маркс, а другую Теодор Герцль, два немецких еврея, которым удалось сделать невероятную вещь: показать народу узнаваемый идеал и зажечь веру в него; проложить к идеалу путь, заманить народ на этот путь и...завести народ в тупик. Окончательно это обнаружилось к концу XX века.

Как же все это работало раньше?

В поисках ответа на этот вопрос я начала анализировать основные постулаты, на которых строили свои идеологии Маркс и Герцль. И пришла к выводу, что решали они одни и те же вопросы, хотя и давали на них разные ответы.

*

Первый постулат определял временную ось – что было, есть и будет.

На временной оси Маркса формации сменяли друг друга, закономерно приближая наступление формации высшей и заключительной – коммунистической. Реальность доказала, что такая временная ось существовала только в воображении Маркса. К коммунизму никто не пришел потому, что к нему нельзя было прийти.

Герцля волновал иной вопрос – не общечеловеческий, как Маркса, а национальный. Отсюда и иная временная ось.

Что было? Евреи были нормальным народом, у которого была своя страна. Что есть? Рассеяние, превратившее евреев в народ ненормальный. Что будет? Евреи обретут собственную страну и станут нормальным народом.

Евреи обрели собственную страну, но она обесмыслила весь путь, пройденный евреями за века. Шли, шли, а к чему пришли? Нет ответа на этот вопрос.

*

Второй постулат определял коллективную жизнь человечества.

Марксисты утверждали, что единое человечество членится на семьи и народы из-за частной собственности. Поэтому как только частная собственность исчезнет, исчезнет необходимость в делении на семьи и народы. Это представление о структуре человечества, как выяснилось, не имеет ничего общего с реальностью.

Членение человечества на народы волновало и Герцля, однако в связи с положением евреев. Он утверждал, что народы ненавидят евреев и гонят из своей среды потому, что у евреев нет собственного государства. А вот когда евреи станут народом "как все" и создадут собственное государство "как у всех", все о евреях забудут.

Интересно, что сказал бы Герцль в наши дни? Еврейское государство "как все" представлено в Организации Объединенный Наций. Но как раз благодаря этому обстоятельству мировому сообществу удалось организовать такую травлю Израиля, что евреев теперь ненавидят даже те народы, которые прежде об евреях и не слыхали.

"А нам, пожалуй, повезло дважды, – подумала я, размышляя на эту тему. – В СССР мы испытали на себе фикцию Карла Маркса, а в Израиль приехали, чтобы испытать на себе другую фикцию – фикцию Теодора Герцля."

Ошиблись мы или чего-то важного не поняли?

*

И я вновь обратилась к Б-гооткровенной Книге. Почему два могучих учения, увлекших евреев, завели народ в тупик? Уж не потому ли, что и Маркс, и Герцль строили свои учения на человеческом факторе, не оставляя в них места Б-гу?

Маркс видел в человеческой деятельности движущую силу Истории и считал, что самым трудом своим люди порождают проблемы взаимоотношений между собой. Решая эти проблемы, люди объективно развивают цивилизацию.

Герцель также уповал на человеческий фактор, хотя и иначе. Герцль был убежден, что потребность евреев жить в цивилизованном обществе, в котором не придется терпеть унижение отверженных, можно удовлетворить только в собственном государстве. Цивилизация – это единственное средство, способное вынудить евреев воссоздать себя как народ и реализовать то, что за 2000 лет превратилось в пустой звук – "в следующем году в Иерусалиме".

В обоих случаях отрицался опыт нашего народа, который основывался на убеждении, что мир создан Б-гом, Б-гом управляется и направляется Б-гом к намеченной Им Цели. Только Б-г определяет, что было, есть и будет. На иврите это очевидно: четыре буквы Его непроизносимого Имени в разных комбинациях дают именно эти слова – был, есть и будет.

"А ведь есть в этом закономерность, – подумала я. – Стоит людям отказаться от Б-га, как они теряют путеводную нить и "богом" для них становится человек. Вот и нас в детстве заставили вызубрить наизусть мантру "Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить". Ленин, оказывается, бог, который жил, жив и будет жить. Ну, и что из этого вышло? Этот "бог" теперь мается в своем мавзолее "вечно живой", а его памятники разрушают, как идолы, в которые никто больше не верит."

Идея Единого Б-га. Монотеистическая Идея. Достаточно заложить эту Идею в основу рассуждения и картина полностью меняется.

4. Неожиданная социология

Гам зу лэтова

- Тебя ждет обструкция, — сказал мой муж после того, как прочитал мою книгу и одобрил.

- Почему? — удивилась я.

- Потому, что эта книга разрушает существующие каноны. А люди такие вещи инстинктивно отталкивают. К тому же она закрывает многие вопросы. А слишком многие люди заинтересованы в том, чтобы вопросы эти были вечными. По разным причинам все будут твоим идеям сопротивляться всеми силами.

Я мужу не поверила, но вскоре убедилась в его правоте. Немногие поняли мою книгу. Но даже те, кто поняли, не увидели связи между содержанием книги и проблемами, с которыми все мы столкнулись. В лучшем случае реакция сводилась к интеллектуальному наслаждению. Однако любая моя попытка доказать, что не это было моей целью, наталкивалась на один и тот же вопрос:

- Тогда скажи, что конкретно нужно делать?

- Для начала менять мозги. Вы же знаете, что самая практичная вещь — это общая теория. Все начинается с нее. Нужна общая картина того, что происходит.

Отторжение моей книги не поколебало моей уверенности в собственной правоте. Напротив, я даже увидела в этом отторжении позитивный момент: оно дало мне повод к новым размышлениям.

"Гам зу лэтова" — решила я.

"Гам зу лэтова" ("и это к лучшему") – так любил повторять наш мудрец Нахум, учивший народ во всем находить положительный смысл. И я последовала его совету: увидела в реакции людей на мою книгу возможность создать целую галерею типажей, характеризующих состояние умов нашего народа.

Странно, оказалось интересно

Он живет в Германии. Его сын в Германии вырос и уже воспринимает сам себя немцем, а не евреем. Почитать "Парадокс Пятой заповеди" ему настоятельно советовал его брат. Он долго сопротивлялся, но, наконец, согласился.

- Странно, оказалось интересно — сказал он после прочтения.

Что же его заинтересовало? Он объяснил.

- В Германии мы живем под сенью Катастрофы. А мы хотим жить нормальной жизнью, без гнетущего груза прошлого. Еврейская тематика просто надоела.

Он прав. Еврейская тематика и в самом деле всем надоела. Мой друг написал прекрасный роман. Редакторы оценили литературные достоинства этого романа. Но издать его никто не захотел: еврейская тематика, сказали, никому не интересна.

Увы, мы, евреи, сами сделали ее таковой. О чем мы все время думаем и говорим, что нас заботит более всего? Лишь несколько сюжетов: где и как мы себя проявили, сколько гениев породили, как много добра мы сделали другим и как другие плохо с нами обошлись. Популярность последнего сюжета растет тем больше, чем хуже становится положение Израиля. Я просматриваю программу 11 класса израильской гимназии: история - изучение Катастрофы; литература — художественные произведения о Катастрофе; английский — биография Эйхмана. *Ашкеназская* травма проявляет себя и в этом. Да нам и самим уже это надоело.

Но удивительно ли, что мы так себя ведем?

2000 лет мы жили в среде других народов, вынужденные приспособляться и мимикрировать. И потому не можем привыкнуть к мысли, что главные события происходят не на чужой улице, а у нас. Только отцам-основателям государства удалось развернуть наш народ в собственную сторону, пробудить в нем собственную творческую энергию. Но как же скоро мы повернулись к самим себе спиной! Потому и побежал его сын в очередной раз переписываться в немцы, что там, у немцев, ему интересней, чем у нас.

А мне интересен наш народ, мне интересны мы сами, интересно не только наше прошлое, но все, что происходит с нами в настоящем, прямо на глазах. У меня дух захватывает от величия нашей судьбы, оттого, что я удостоилась видеть возвращение народа после 2000-летнего странствия. И я искренне не могу понять, как можно жить в отрыве от этого, не обнаруживая интереса к этому беспрецедентному событию.

Мне интересно и об этом я пишу. А для него это странно.

*

Она давно вернулась к нашей традиции. Поэтому также не хотела читать мою книгу, но по другой причине: у меня нет "кошерного" статуса, позволяющего мне рассуждать на "божественные" темы.

Но я этого и не делаю. Я всего лишь анализирую Историю и вижу в ней проявление Высшей Воли, понять которую можно, лишь приняв постулаты Б-гооткровенной Книги. Это иной подход к "божественному", отличный от

принятого. Она это поняла после прочтения, удивилась и произнесла ту же фразу:

- Странно, оказалось интересно.

Она объяснила, что именно ее заинтересовало.

- В наших книгах поднимаются "вечные вопросы". Но сколько не читаешь, понять, что происходит в наши дни, не можешь. Что творится вокруг? Куда мы катимся?

Она умная женщина и остро чувствует, что в литературе, обильно создаваемой признанными ею авторитетами, нет ответов на эти вопросы. Для меня причина очевидна: ее авторитетов не интересует современный еврейский народ. Ее авторитеты всего лишь экаплатируют опыт авторитетов прошлого, которые, в отличие от современных, были теснейшим образом связаны с народом.

Но народ-то стал иным. А ее авторитеты этого и не заметили.

Для меня же именно анализ состояния нашего живого народа стал отправной точкой. И я убеждена, что своим отношением к народу я ближе к мудрецам прошлого, чем все наши официальные "мудрецы" вместе взятые. И не гордыня во мне говорит, а убеждение в том, что Б-г говорит с миром через Свиделей Своего Откровения, через наш еврейский народ.

А того, кого живой еврейский народ не интересуется, не интересуется и Живой Б-г. Потому и оказались наши авторитеты в положении, о котором говорит пророк Ишаягу: **"... за то, что ... стало благоговение их передо Мною затверженной заповедью людей, поэтому вот, Я опять удивлю народ этот чудом дивным, и пропадет мудрость мудрецов его, и разум разумных его исчезнет"**.

Только они и только на иврите

Он — уроженец страны и "правый" активист, но при этом журналист и историк. Я прочитала о нем в Интернете, раздобыла телефон, позвонила и пригласила к себе домой.

Мы поговорили о текущих проблемах и я начала объяснять ему свой подход: проблема нерешаема в существующей системе идей, нужна смена самой системы.

Лишь только я начала разговор на общую тему, он утратил к нему интерес. Я это заметила по его глазам.

Мы еще немного поговорили. Он попрощался и ушел. Через некоторое время мы случайно встретились и он мне сообщил, что кое-чем из сказанного мною даже воспользовался. По его тону я поняла, что должна быть ему за это безмерно благодарна.

Больше с ним я не встречалась. Только из новостных сводок узнала о его деятельности — что-то об отстаивании прав евреев на какую-то оливковую рощу.

*

Она — "русская" журналистка, но из тех, кто уже начал печататься в ивритской прессе. Я попросила ее свести меня с одним израильским журналистом, с работами которого я познакомилась. Этот журналист как раз пишет об идеологическом кризисе и я понадеялась, что смогу заинтересовать его своими идеями.

В ответ этот журналист прислал мне адрес своего сайта, чтобы я могла продолжать знакомиться с его работами. Мои работы его не интересовали.

- Почему? — спросила я ее.

- Потому, что все они убеждены: все стоящее в этой области может родиться только на иврите и только у них, - объяснила мне она

Дружеские советы

На него я возлагала особые надежды. Он в моих глазах сочетал как раз то, что мне было нужно: хорошее светское образование на историческом факультете и религиозное образование в ешиве. Встречаясь, мы всегда говорили на различные темы и он с любопытством выслушивал мое мнение, отличное от его.

Но на сей раз я заговорила на тему, которой мы прежде не касались: "избранный народ", "Третий Храм", "Синайское откровение".

Он посмотрел на меня взглядом, каким прежде никогда не смотрел: так умный взрослый дядя смотрит на несмышленного ребенка, не различающего между своими фантазиями и реальностью, хорошо известной дяде.

- Сейчас я тебе кое-что прочту, — с улыбкой прервал он мои "фантазии".

Он открыл компьютер и начал мне зачитывать отрывки из книги "Кузари", которую я прочла еще в Союзе, где она подпольно распространялась среди отказников.

- Я дам тебе дружеский совет: читай побольше наши источники. О том, о чем ты пишешь, уже давно написано, — сказал он в полной уверенности, что мое вдохновение этой темой вызвано исключительно моей неосведомленностью, естественной для всех "русских".

*

Она родилась в Москве, но последние 30 лет живет в США. И хотя по-прежнему общается в основном с "русскими", ее знание английского языка и английской литературы позволяет ей считать, что она знает Америку.

- Я вам советую как друг: уберите все, что Вы написали о гомосексуалистах. В Америке это недопустимо. Вас просто никто не будет читать.

- Но я не страдаю гомофобией по одной простой причине: я считаю частную жизнь исключительно делом самого человека. Я лишь пытаюсь ответить на вопрос "почему гомосексуализм превратился в символ базисных ценностей?" и предлагаю ответ, который диктуется концепцией "Парадокса Пятой заповеди".

*

Он — бывший наш отказник. В Израиле ведет еженедельный семинар, на котором выступают разные люди на разные темы. Постоянным является лишь традиционное чтение и изучение недельной главы Торы.

Он пригласил меня выступить у него на семинаре, предварительно выслал тезисы доклада. После того, как я его просьбу выполнила, он позвонил:

- Я Вам советую убрать из тезисов такие слова как "Третий Храм", "избранный народ". Люди уже несколько подустали от этих слов. Они могут просто не прийти.

- Но это базисные понятия, без которых любой разговор о нашем народе вообще теряет какой-либо смысл, — возразила ему я.

А про себя подумала: "Это до какого же состояния нужно было довести народ своим "изучением", чтобы сами слова "Третий Храм" и "избранный народ" вызывали у людей чувство отторжения!"

В конце семинара одна из дам-завсегдатаев дружелюбно заметила:

- А Вы знаете, было интересно. Какое-то оживление даже. А то мы тут иногда скучаем.

"И на том спасибо, — подумала я. — Массовиком-затейником мне, правда, быть еще не приходилось. Но для нужного дела я согласна и на это."

Серьезные люди не занимаются...Б-гом

Он — историк с ученой степенью.

- Я прочитал Вашу книгу очень внимательно, — сказал он мне. — Она, несомненно, заставляет думать. Я только не понимаю, чем могу Вам помочь. Поймите меня правильно, я — серьезный ученый. Я не занимаюсь, простите,...Б-гом.

- А Вы полагаете, что я занимаюсь Б-гом? Я лишь утверждаю, что признание Б-га позволяет создать систему идей, которая упорядочивает исторические явления, в том числе и те, в которые мы с Вами вовлечены. Неужели серьезный научный подход обязательно предполагает несуществование Б-га?

Убедившись, что ему, воспитанному кафедрой марксизма-ленинизма, трудно сменить установку, я перешла непосредственно к его собственной практике.

- Ну вот, например, вы и ваша семья. Кто мог предположить, что страна, в которой вы родились, выросли и сделали свою успешную карьеру, развалится и вы окажетесь в Израиле, о котором и не помышляли. А если следовать логике "Парадокса Пятой заповеди", этот факт оказывается закономерным.

И этот мой аргумент на него не подействовал. Наука и Б-г так и остались для него несовместимыми.

*

Он приехал из Европы. Родной язык — французский, воспитание получил французское и это чувствовалось с первого взгляда: "свободу, равенство и братство" он отпечатывал каждым своим шагом.

Он — обворожительный собеседник. Его возгласы, мимика, лучистый взгляд создают особое, "французское" настроение. Но куда все это подевалось, стоило мне перейти к тому, ради чего приятель привел меня к нему? Как только я произнесла те же слова "избранный народ", "Третий Храм", все исчезло — возгласы, мимика, лучистый взгляд.

- Так вот вы о чем? — кисло спросил он меня.

Я решила не отступать и перехватила инициативу, заменив его возгласы, мимику и лучистый взгляд своими возгласами, мимикой и лучистым взглядом. Я старалась не для него. Мне было нужно, чтобы он передал мою, переведенную на английский язык книгу интеллектуалам, с которыми он был связан.

- Ну, хорошо. Я исполню вашу просьбу и книгу передам, — согласился он, наконец. — Но имейте ввиду: это серьезные люди и к тому, о чем Вы пишете, относятся также, как и я.

У них "неправильный" Б-г

Он — христианин из тех, что поддерживают евреев и Израиль. Европейец, огромного роста мужчина — я сразу его заметила, как только вошла в фойе иерусалимской гостиницы, в которой мы с ним договорились встретиться.

В начале беседы он попросил меня рассказать о себе. Я выполнила его просьбу: вспомнила несколько эпизодов времен "отказа", рассказала немного о нашем сионистском подполье. Старалась, чтобы мои рассказы были забавными, но он все равно был очень растроган и глаза его даже увлажнились от непонятого мне благоговения. Меня это смутило.

Наконец, я начала знакомить его с концепцией "Парадокса Пятой заповеди", ради чего и приехала. Все было хорошо, пока я не упомянула о трех авраамических религиях.

Он изменился в лице. Из глаз его теперь посыпались искры гнева.

- Ислам не авраамическая религия. Мусульмане поклоняются сатане.

Вначале я опешила, а потом поняла, почему меня так смущало его благоговение. Эта иррациональная любовь к нам, евреям, очень легко может обернуться такой же иррациональной ненавистью.

Когда я договаривалась с ним о встрече, я и предположить не могла, что еду дружить против мусульман. В концепции "Парадокса Пятой заповеди" указана прямо противоположная цель, к которой стремится развитие Монотеистической Идеи. И этой целью является Единство.

*

Он — москвич, получил хорошее советское образование и вернулся к нашей религиозной традиции.

- Ну как Вы можете утверждать, что христиане — монотеисты? — недоуменно спросил он меня. — Как могут быть монотеистами люди, которые поклоняются Троице?

- А вы полагаете, что Вам известно, как выглядит Б-г? Да я этот вопрос в своей книге вообще не рассматриваю. И зачем его рассматривать, если его

рассматривают уже тысячелетиями совсем неслабые умы, да все безрезультатно? Я об Истории, единственной области, в которой можно видеть Его Присутствие, так как История подчиняется сценарию, изложенному в Б-гооткровенной Книге. А ну-ка попытайтесь ответить на вопрос, почему современную цивилизацию смогли создать только христианские народы. Ведь есть народы и подревней, у которых есть множество собственных культурных достижений. А почему мы, евреи, скопировали государство у европейцев-христиан? Ведь они же черпали идеи из нашей же Б-гооткровенной Книги. Вот только они смогли начертать все необходимое, а мы нет. Почему? Вот вопросы, которые я ставлю и на которые предлагаю свой ответ. Причем здесь Троица?

У нас так не принято

Он — человек пожилой, религиозный, восточного происхождения. Я думаю, что, если бы он не был человеком восточным, а был бы надменным *ашкеназом*, ни за что не согласился бы встретиться со мной: слишком высокое положение он занимал до того, как ушел на пенсию.

Он внимательно выслушал мое изложение концепции "Парадокса Пятой заповеди". Когда я закончила, он спросил:

- Откуда у вас эти мысли? Вы получили религиозное воспитание?

- Что вы, откуда? Я из совершенно ассимилированной семьи. Часть моего детства даже прошла в военном гарнизоне, где и евреев-то не было. А откуда мысли? Я думаю, что в этом как раз нет ничего удивительного. Это как в науке: если гипотеза исследователя верна, он непременно откроет законы мироздания, которые существуют объективно, даже если об их существовании до него никто не догадывался. Б-гооткровенная Книга для меня является ЗАКОНОм мироздания. Евреям, получившим религиозное воспитание, эти ЗАКОНЫ просто сообщают. Однако ЗАКОН можно открыть, если исследовать реальность на основе верной гипотезы.

Подумав немного, я все же прибавила то, что могло быть воспринято негативно.

- Признаюсь вам, я вижу определенное преимущество в своем методе. Я вывожу общие принципы из реальной жизни еврейского народа. Этот метод предполагает развитие. Наш традиционный метод развития не предполагает. "*Ничто не ново под луной*" – на этой фразе воспитываются все религиозные люди. Но ведь этого же нет так. Постоянное обновление обусловлено самим развитием цивилизации. Тот, кто этого не осознает, рано или поздно утрачивает связь с реальностью. По моему мнению, в нашем случае именно это и произошло.

- Да, пожалуй вы правы. Вам все это пришло в голову потому, что вы не из нашей среды, — сказал он задумчиво.

- И в этом нет ничего удивительного, — откликнулась я на это его замечание. — Я воспитана по-русски. Поэтому меня интересует историософская проблематика, несвойственная иудаизму.

Наш разговор был настолько искренним и душевным, что я ожидала результатов: знакомства с мыслящими раввинами, о чем я просила его.

Он обещал подумать и позвонить мне. Но время шло, а он не звонил. Тогда я позвонила сама. Он разговаривал совсем иначе и я начала догадываться о причине, но хотела, чтобы он назвал ее сам. Моя настойчивость вынудила его это сделать.

- Поймите, я ведь принадлежу к определенному кругу. У нас это не принято.

*

Это раввин — *ашкеназ*. Мне его охарактеризовали как человека открытого, нестандартно мыслящего: он и за науку, и за то, чтобы ортодоксы в армии служили и даже вынес какое-то постановление по этому поводу.

Меня к нему подвели после какого-то собрания "национального" лагеря и представили, сообщив о моей концепции как о достойной внимания. В руках я держала несколько листочков с переведенными на иврит основными тезисами "Парадокса Пятой заповеди" и надеялась передать их ему.

Однако услышав мой русский акцент в иврите, раввин переинтерпретировал ситуацию на свой лад.

- У меня много русских учеников. — прервал он меня.

Далее он начал мне рассказывать, какие все "русские" умные и как ему приятно их учить. Я все поняла: максимум того, что я смогу от него добиться, — приглашение на урок. Разумеется, если он снисходит до того, чтобы давать урок женщинам.

С "русских" учеников раввин переключился — и я подозреваю, не без влияния умных "русских" — на тему науки: дескать слышно, как идет Машиах, потому что все ученые собираются в Израиле.

"Он вообще адекватен? — подумала я. — Ему известно, сколько израильтян уехало из Израиля и процветает в лучших университетах за границей? Даже до нашего кнессета дошло, что происходит "утечка умов"".

Я поняла, что в моих листочках надобности нет и не будет. Свернув их в трубочку, я лишь выжидала первый подходящий момент, чтобы попрощаться и уйти.

Это недоразумение

Мой приятель-ультраортодокс рассказал мне, что дал почитать "Парадокс Пятой заповеди" одному раввину из Мэа Шеарим, и тот пришел в восторг.

- Раввину из Мэа Шеарим понравилась моя книга? — переспросила я. — Это какое-то недоразумение.

Вскоре выяснилось, в чем дело. Оказывается, этот раввин убежден в победе иудаизма над христианством и даже ведет какую-то кампанию обращения в иудаизм разуверившихся в своей вере христиан. В моей книге он увидел аргументированное подтверждение собственным убеждениям.

Как же нужно было читать эту книгу, чтобы так ее переинтерпретировать? Я ведь пишу о кризисе Монотеистической Идеи, что неизбежно вызывает кризис всех авраамических конфессий. Иудаизма это касается несколько ни в меньшей степени, чем христианства и ислама. Действительно, многие

христиане меняют веру. Но ведь не на иудейскую только, а и на мусульманскую, и на буддистскую, а в большинстве своем и вовсе на атеистическую.

А разве то же самое не делают евреи? Почему бы этому раввину не попытаться для начала вернуть евреев в иудаизм. Но он и не пытается, так как знает, что ему это не под силу.

*

Он не один такой, этот раввин. Со временем я стала замечать, что многие восторженные читатели делают то же самое, что и он: переинтерпретируют "Парадокс Пятой заповеди". Цель у них та же, что и у раввина из Мэа шеарим: подтвердить собственное убеждение в "избранности" евреев, которая в их интерпретации означает, что евреи лучше всех. Неважно в чем. Главное, что лучше всех.

Но я ведь "избранность" трактую исключительно функционально. Евреи – носители Монотеистической Идеи. Евреи принесли Ее в мир и вынуждены нести Ее дальше, развивать и выводить из кризиса, когда таковой наступает. Для выполнения этой возложенной на евреев миссии Б-г провел евреев по Истории, преображая постепенно небольшой клан в союз племен, затем в обычный народ и, наконец, после 2000-летнего рассеяния в "человечество".

И если евреи своей функции не выполняют, то и платят больше, чем кто бы то ни было иной. Народы начинают предъявлять претензии к евреям за то, что евреи забыли о роли, которую вызвались играть, и выражают свое ощущение этой особой роли во всякого рода "Протоколах сионских мудрецов".

Вывод: "избранность" обязывает евреев к движению вперед. Покой нам только снится.

Но этого призыва многие восторженные читатели умудрились в книге не заметить потому, что видели в ней только себя, свои личные претензии на особый статус "избранных", но не Б-га и не наш еврейский народ.

Поэтому я не спешу радоваться, когда слышу восторженные отзывы о книге. Я сначала интересуюсь: а что так сильно понравилось? И как только слышу в разной интерпретации, что евреи лучше всех, повторяю одно и то же: это недоразумение.

Я таких авторов не читаю

- Я не читаю авторов, которые слово "Б-г" пишут через дефис.

Не знаю, как сложилась в русском языке традиция писать "Б-г" через дефис, но таким образом у русскоязычных евреев принято выражать запрет на произношение Б-жественного Имени. Для русскоязычного человека этой детали достаточно, чтобы сделать совершенно определенный вывод: автор – человек верующий.

Обнаружив это качество автора, многие вообще отказывались читать мою книгу. Выражает ли эта позиция многочисленной категории моих несостоявшихся читателей отрицание Б-га? Я бы не торопилась делать такой вывод.

Я хорошо помню состояние растерянности, которое породило у советских граждан разрушение государства. Образовался духовный вакуум, который многие готовы были заполнить верой в Б-га. В таком неопределенном состоянии духа евреи прибывали в Израиль, достаточно многие вполне готовыми, как у нас говорят, к возвращению к корням.

Увидели же они подтверждение правоты Маркса: религия – опиум народа. Она и в самом деле прекрасно выполняет эту функцию: позволяет человеку жить в воображаемом мире, игнорируя реальность.

Кто слышит Голос?

Если бы все дело было в книге!

Но мои хождения с книгой "Парадокс Пятой заповеди" оказались своеобразным социологическим исследованием. Книга послужила ареной, на которой выступили и сказали свое слово разные части нашего народа. Анализируя эти высказывания, я поняла, что все мы, участвуя в общем спектакле по имени "Государство" по сути разыгрываем разные сценарии. Одна часть народа не понимает, о чем говорит и что делает другая часть народа. Мы не осознаем, что с нами происходит, в какой процесс все мы втянуты по своей или против своей воли.

Народ не состоялся. А значит, не состоялось и Государство, каким бы внешними признаками благополучия оно не обладало.

В чем причина?

Я вижу ее в раввинизме, который утратил связь с народом.

У нас на глазах вершится глобальный Исход из Земли Северной и всех земель, о котором из поколения в поколения твердили все наши предки. Все без исключения твердили: кто не твердил – из народа ушел. А нам рассказывают об Йосифе и Исходе из Египта.

С нами из разных стран пришли неевреи, доказывшие свою верность великому делу Исхода даже и не осознавая этого. А нас зациклили на моавитянке Рут, которая была верна своей еврейской свекрови.

Нам все рассказали о Б-жественном присутствии во время Исхода из Египта и о Голосе Синайского откровения, который слышали все. Но мы не видим Б-жественного присутствия в Истории и не слышим Голоса, так явно звучащего в наши дни:

"...от востока приведу семя твое; и от запада соберу тебя. Скажу северу: "Отдай!" и югу: "Не удерживай!"

Хорошо, что его хоть другие слышат.

И я вспомнила, как в старой жизни, еще до Исхода, получала этому неоднократные подтверждения. Воспоминания вернулись ко мне и разные эпизоды, которые прежде казались случайными и друг с другом несвязанными, вдруг связались, превратившись в напутствие.

5. Напутствие

Все будет хорошо

Первую такую встречу я хорошо помню.

Это случилось, как только мы решили, что пора выходить из подполья и идти в народ. Целью хождения в народ было привлечение евреев к сионизму.

Один из методов состоял в том, чтобы в общественном транспорте открыть книгу на иврите и у всех на виду начать ее читать. Предполагалось, что обязательно рядом окажутся евреи, которые заинтересуются: "Это вы по-еврейски читаете?" Потом уже можно познакомиться, поговорить, пригласить и т.д.

И вот однажды села я в троллейбусе на видное место, открыла книгу на иврите и огляделась. У окна стояли два еврея. Книгу они заметили, но сделали вид, что к ним это не относится.

Зато заинтересовался книгой молодой парень, который сидел напротив. Он подсел ко мне и шепотом спросил:

- Вы на иврите читаете?

Я опешила. То, что парень не был евреем, было написано у него на лбу, так что в его внимании я была заинтересована меньше всего. Я молча кивнула головой, а про себя подумала: "Привет. Только тебя мне не хватало!"

И вдруг, наклонившись ко мне, он сказал совсем уже тихо:

- Я там был.

- Где?

- В Израиле.

Глаза его сияли, когда он рассказывал, что работая в Иордании он как-то раз с друзьями оказался в Эйлате. Он был в восторге от всего — от моря, от деревьев, от людей. Я слушала его, затаив дыхание, не произнося ни слова.

Вдруг он оглянулся:

- О, мне пора выходить.

И пожав мне руку, с улыбкой прошептал:

- Все у вас будет хорошо.

Конец света

Как-то раз мой муж зашёл в кафе и, садясь за столик, позабыл снять шляпу. Тут же сидевшая рядом женщина спросила его:

- А почему вы шляпу за столом не снимаете?

Мой муж кипу на голове не носит — тогда не носил, не носит и сейчас. Но он был отказником, и взыграло в нем отказничье: произнести во всеуслышанье слово, которое все привыкли произносить полушёпотом, как нечто неприличное, что нужно скрывать.

- Потому, что я — еврей.

Услышав громкое "еврей", женщина изменилась в лице. Как выяснилось, вовсе не потому что она не видела евреев — в то время трудно было не встретить еврея практически в любом большом городе.

Наклонившись к мужу, женщина доверительным шёпотом спросила:

- Скажите, а в Иерусалиме есть еврейские солдаты?

Она, очевидно, полагала, что если еврей сидит за столом в шляпе да ещё и принародно заявляет о том, что он – еврей, значит у него не иначе как прямая связь имеется с Иерусалимом.

Мой муж опешил от такого поворота событий:

- А почему Вы спрашиваете?

- Да говорят вот люди, когда в Иерусалиме будут еврейские солдаты, наступит конец света.

И это после семидесяти лет атеистической пропаганды!

Женщина была настолько встревожена, что мужу ничего иного не оставалось, как войти в роль представителя Иерусалима, чтобы развеять ее страхи.

- Не волнуйтесь – сказал он. – В Иерусалиме нет еврейских солдат.

Я вспомнила об этом эпизоде, когда мы впервые оказались в Иерусалиме. Мы шли к Стене Плача и постоянно встречали солдат израильской армии. Множество солдат.

- Смотри – сказала я мужу. – А может, эта женщина права? Может, и в самом деле наступает конец света?

Попутчицы

Эти две женщины оказались моими случайными попутчицами.

Я возвращалась домой из Москвы с тяжелым баулом, заполненным книгами. Практически все они относились к "антисоветской литературе" из-за своей тематики — еврейство и сионизм.

Уже на вокзале мне вручили еще какой-то пакет с брошюрами, который я с трудом впихнула в баул, после чего он окончательно утратил свою форму и стал для меня практически неподъемен.

До вагона меня проводили, а дальше мне предстояло справиться самой.

Еле дотащив баул до своего купе, я открыла дверь. В купе у окна сидела женщина. Она была аккуратно причесана, в строгом костюме и взглянула на меня так, будто я не в купе вошла, а к ней в кабинет на прием. "Чиновница", – машинально отметила я про себя.

Мы поздоровались друг с другом, и я принялась закладывать баул в ящик для чемоданов. Благо, у меня была нижняя полка и весь пустой ящик был в моем распоряжении.

Не успела я сесть на полку после возни с баулом, как в купе вошла вторая моя попутчица.

"Классная руководительница", — машинально зафиксировала я.

Смерив присутствующих взглядом, она быстро оценила обстановку.

- Чья нижняя полка? – спросила она таким тоном, каким, наверное, всегда выясняла у своих воспитанников, кто из них подложил учительнице кнопку на сидение стула.

Я чувствовала, что мне уготована участь прослушать лекцию на тему "старикам везде у нас почёт". Не желая быть вызванной к директору за ужасный проступок – обладание нижней полкой, – я сделала превентивный ход:

- Нижняя полка моя, но если вы захотите, я вам её уступлю.

Она хотела. Сразу обмякла, мышцы на лбу расслабились. И пока её приготовленный гнев медленно сменялся милостью, я успела быстренько выскользнуть в коридор.

Общаться не хотелось.

Утром я сосредоточилась на решении важной проблемы – как разложить книги в бауле так, чтобы его можно было поднять. Я пыталась наощупь придать своему грузу какое-то подобие прямоугольной формы, но у меня ничего не получалось. Необходимо было выложить несколько книг и поэтому я решила выложить те из них, которые были официально разрешены – старые молитвенники. Нащупав, я извлекла их из баула и положила на полку.

Вдруг слышу:

- Это у вас Библия?

Оказывается, "чиновница" заинтересовалась моим грузом.

- Библия, – нехотя ответила я, хотя это была не Библия, а сборник новогодних молитв. Мне просто не хотелось вступать в разговор.

- А можно посмотреть? – продолжала разговор она.

- Можно.

Она взяла книгу в руки, и через мгновение я услышала:

- Да это не по-русски.

- Это на языке оригинала, – холодно, но не без удовольствия заметила я.

- И вы это понимаете?

- Понимаю.

Это, конечно, было большим преувеличением. Читать к тому времени я уже умела и даже знала значение некоторых слов. Но разобраться в тексте без русского подстрочника я, конечно, не могла. Однако признаваться в этом мне не хотелось. К тому же я ведь была уверена, что всё равно буду знать этот язык, так что можно было позволить себе некоторый аванс.

Видно, мои слова произвели на неё впечатление. Она явно искала повод, чтобы продолжить беседу, которой я стремилась избежать. И хотя на её вопросы я отвечала очень сдержанно, каждый мой ответ побуждал её к новым вопросам.

Мы познакомились. Я не ошиблась: "чиновница" работала в одном из министерств и возвращалась домой из московской командировки, а "классная руководительница" была учительницей русского языка, которая первый учебный год проводила на пенсии.

Через некоторое время мы уже оживлённо беседовали, и я была поражена тем, что "классная руководительница" увлеклась беседой не меньше "чиновницы". Я не ожидала от них такого интереса к религии и не ожидала от себя, что окажусь способной ответить на многие вопросы. Они были потрясены моими знаниями, хотя "знаниями" моя поверхностная осведомлённость могла

выглядеть только на фоне тотальной безграмотности рядового советского человека в этой области.

Говорили мы о Библии, о библейских сюжетах и как-то незаметно перешли на деликатную тему — евреи и христианство. Инициатором была "чиновница" — ее почему-то очень интересовало, по какой такой причине евреи не захотели признать Христа.

Я объяснила ей, что о христианстве знаю не больше, чем большинство из нас. Все свои знания я почерпнула исключительно из иудаизма.

Но она не спрашивала о христианстве. Она спрашивала об евреях.

- Не уверена, что я могу ответить на этот вопрос за всех евреев, — сказала я. — Могу только объяснить, почему бы лично я никогда не стала христианкой.

Вообще-то я никогда об этом не задумывалась, так как вопрос этот меня никогда не волновал. И тем не менее ответ у меня был готов практически сразу. Я говорила о том, как я понимаю взаимоотношения человека с Б-гом. Я много думала об этом и просто воспользовалась собственными мыслями.

- В Книге есть рассказ о том, как праотец Яков перед смертью взял клятву со своих сыновей, что возвратят они его тело на родину и похоронят рядом с его родителями. А мудрецы объясняют, что опасался Яков, как бы он в глазах египтян не стал больше, чем человеком. Вопрос ведь не в том, был ли Иисус. Вопрос в том, больше ли он, чем человек. Насколько я понимаю, для евреев существует Б-г и человек, и между ними не может быть ничего и никого.

Мы продолжали нашу беседу, но теперь уже на единственную тему - об евреях. Спрашивала только "чиновница". "Классная руководительница" молчала, но по ее сосредоточенному взгляду я видела, что интересуется ее эта тема несколько не меньше, чем "чиновницу".

Разговор становился все более откровенным и немного замаявшись "чиновница" задала ТОТ САМЫЙ вопрос. Каждая из нас понимала, что этот вопрос находится за красной чертой — Израиль и "палестинцы".

К тому времени через мои руки прошло уже столько информации, что я могла оперировать фактами.

И я решила не излагать им свою версию израильско-палестинского конфликта, а обратиться к фактам и логике.

- Вот вы говорите, что Организация Освобождения Палестины имеет полное право сражаться за свою землю. А вы знаете, что эта организация была создана еще в 1964 году, то есть за 3 года до Шестидневной войны, когда эту землю захватил Израиль. Как вам кажется, что имела в виду эта организация в 1964 году под "освобождением Палестины"?

Я ждала, чтобы в попытке ответить на этот вопрос они ощутили всю нелепость самой его постановки. Как только я почувствовала, что они готовы выслушать ответ, рассказала им то, что знала.

- Освободить они собирались всю землю от евреев. Всю — в том числе и ту, на которой находится еврейское государство. И даже не скрывали, как именно будут "освобождать" — сбросят всех евреев в море. Скажите, а вы бы

хотели, чтобы от вас освободили землю, на которой находится ваше государство? Или евреям свое государство не положено?

- Все считают, что Израиль должен вернуть "палестинцам" землю. А вы знаете, что в этом случае "палестинцы" смогут обстреливать израильский парламент? Вы помните, как после войны с финнами Советский Союз потребовал, чтобы граница с Финляндией была отодвинута от Ленинграда на безопасное для города расстояние? А ведь Ленинград не столица, и правительство там не заседает, да и финны никогда не намеревались сбросить ленинградцев в Балтийское море и обстрелять ленинградский горсовет. Вы можете себе представить ситуацию, при которой, например, Кремль окажется в зоне неприятельского огня?

Я задавала риторические вопросы, которые не требовали ответа. Они это понимали, и я видела, что они мне поверили. Правда, завоевать их доверие мне помогало и ставшее уже патологическим недоверие, которое к тому времени все люди испытывали к советской пропаганде. Как-то само собой подразумевалось, что если советские пропагандисты называют что-то черным, значит оно обязательно должно быть белым. А Израиль они рисовали исключительно черной краской.

Тем не менее все это меня не слишком радовало. Я чувствовала, что этой темы вообще не должна была касаться, но вошла в раж и просто не могла остановиться. Мне было жаль, потому что задушевность, с которой я беседовала с ними до ЭТОГО САМОГО вопроса, была надломлена из-за мысли, что не давала мне покоя – "донесут на меня или не донесут?"

Мы продолжали беседовать, но я уже не могла отвлечься от собственных переживаний: "Ну кто тянул меня за язык? зачем я вообще согласилась на этот разговор? не хватает у меня неприятностей, так новые нужны?".

Поезд подходил к перрону, и мы стали готовиться к выходу. Я выволакивала из ящика свой баул под внимательными взглядами моих попутчиц. Наконец, поезд остановился, и мы начали прощаться друг с другом.

Попрощались очень тепло. И вдруг "чиновница" хватается одну из ручек баула и как-то неожиданно страстно говорит:

- Я вам помогу. Я вижу, что у вас баул тяжелый.

Я растерялась. Во-первых, потому, что она, хоть и была женщиной статной и крепкой, была намного старше меня. Во-вторых, мне неприятно была то, что я невольно вводила ее в заблуждение. Она ведь не могла знать, что предложила мне помощь в доставке в наш город "антисоветской литературы". Наконец, я не могла избавиться от опасения, что ее поведение может быть простой провокацией. Стыдно было за свою подозрительность, но за годы отказа я к ней уже привыкла.

А она помогла мне сесть в трамвай и, на прощанье улыбнувшись, помахала рукой.

Разговор по-соседски

Они были нашими соседями. Приехали из села и получили от государства квартиру в нашем доме как "лимитчики" — согласились выполнять нужную городу работу на стройке.

Наши пути в жизни не пересекались — они вертелись на своей орбите, а мы на своей. Поэтому их появления у себя дома я не ждала. Впрочем, если бы они пришли, чтобы что-то спросить или попросить по-соседски, я бы не удивилась. Но они пришли поговорить о важном, как они сказали, вопросе.

Помявшись и взглянув на мужа, соседка вдруг спросила какими-то особым, лисьим голоском:

- Что же это вы от нас уезжаете? Или плохо вам было у нас?

Я растерялась, так как не ожидала, что это и есть "важный вопрос". Тем не менее решила разговор поддержать.

Ответить на последний вопрос мне было достаточно легко, потому что я не собиралась на него отвечать.

- Ну как нам у вас было, вы и сами знаете. Так что нечего и говорить на эту тему.

Совсем иное дело второй вопрос. Он заставил меня задуматься.

- А почему уезжаем?

Ну что им ответить?

Будто в мгновение ока передо мной промелькнул весь мой путь за 8 восемь лет отказа.

Сказать, что воссоединяемся с тетей? Ведь с этого наш путь начинался. К тому же в случае нашей семьи действительно так оно и было. Но в эти сказки о "воссоединении семей" никто давно уже не верил. А мне хотелось, чтобы мне верили.

Сказать, что имеем право уехать в соответствии с Пактом о правах человека? Этот этап мы тоже прошли в отказе. Но теперь все это выглядело нелепо. Если этот закон относится к каждому человеку, то почему этим "каждым" может быть только еврей, а украинец не может?

И вдруг я сказала то, что на душу легло, то, что теперь было единственной правдой:

- Вы Библию читали?

- Читали, — ответили они.

Вряд ли, конечно, они ее читали, но, очевидно, мои слова оказались для них такой неожиданностью, что они выпалили, не вполне понимая, к чему я клоню.

- Ну так вот. Там сказано, что придет время и все евреи вернутся на Землю Обетованную. Просто время пришло. И не только я от вас уезжаю. Евреи со всего света возвращаются домой — я с Украины, а другие из других мест — из Аргентины, из Румынии, из Сирии, из Эфиопии.

Они изменились в лице, будто знали и признавали ту правду, которую знать и признавать не желали многие евреи.

И вновь я услышала слова:

- Чем мы можем помочь?

На память

Подругами мы с ней не были. Дружили наши родители — отцы служили в одном полку и подружились тогда, когда нас с ней еще и на свете не было.

После демобилизации отцов наши семьи разъехались. Моя семья уехала в Одессу, а ее семья в Москву. Но связи не теряли. Виделись почти каждый год.

Национального вопроса мы с ней никогда не касались. Хотя о ее позиции в этом вопросе я догадывалась.

Как-то раз в разговоре она сказала:

- В Москве куда ни плюнешь, попадешь то на армянина, то на татарина.

Она наверняка сказала бы и "на еврея" и была бы права. Но она разговаривала с еврейкой и поэтому о евреях не упомянула.

- Да, проблема — сказала я. — Впрочем, наверно, также говорят и латыши в Риге — куда ни плюнешь, попадешь на русского.

Разговор на этом прекратился.

Но разговор этот я запомнила. И перед отъездом у меня возник вопрос — сказать ее семье или не сказать, что уезжаю я в Израиль?

Это был последний мой визит в Москву. Я приехала, чтобы завершить советский этап своей жизни — уладить кое-какие дела, оформить документы на выезд, попрощаться с друзьями и знакомыми.

Визит к ним домой я отложила на конец своей поездки, потому что никак не могла решить, как мне с ними прощаться.

Наконец, придумала. Если разговор пойдет, скажу все, как есть, скажу, что уезжаю в Израиль. Если разговор не пойдет, ничего не скажу. Потом сами поймут, что я прощаться приходила.

Я позвонила и дверь сразу же распахнулась. Из кухни неслись запахи этого гостеприимного дома, в котором меня ждали.

Мы обнялись и она сразу же потащила меня в кухню — кормить.

Дома она была одна. Мама уехала, а отец должен был вскоре прийти. Мы сидели, ели и непринужденно болтали. И вдруг я почувствовала — можно говорить.

- Знаешь, а я ведь прощаться пришла.

- Уезжаешь, что-ли?

- Да.

- Надолго?

- Навсегда.

Она замолчала и после перерыва спросила, понизив голос.

- Куда же?

- ...В Израиль.

Она залилась краской. Овладев собой, она повернула разговор таким образом, чтобы ее реакцию можно было объяснить одной-единственной причиной — заботой обо мне.

- Да ты что! Там же война все время идет. Ну куда ты поедешь?
- Ты не поверишь. Это трудно объяснить, но представь себе — существует, оказывается, такая вещь. Голос крови называется.
Я очень хотела, чтобы она меня поняла. Я говорила, а она слушала, не прерывая.

В дверь позвонили, и она вышла в прихожую.
Вернулся домой ее отец и я тоже пошла в прихожую, чтобы поздороваться с ним. Я и слова сказать не успела, как она выпалила:
- Представляешь, папа. А она прощаться пришла. В Израиль уезжает. Голос крови заговорил.
Ее отец смотрит на меня с изумлением.
- Ну давай, рассказывай, что это у тебя за голос такой.
В гостиной мы усаживаемся поудобней, и теперь я уже ему объясняю, что такое Голос крови и о чем он говорит. Она вышла в спальню и через некоторое время вернулась, неся что-то в зажатом кулаке.
Когда она подошла ко мне и разжала кулак, я увидела на ее ладони маленькое серебряное сердечко.
- Если бы я знала, приготовила бы для тебя подарок. А так, вот – возьми на память. Будешь в своем Израиле нас вспоминать.

Я обомлела. Я уже давно чувствовала, что это – Исход. Да разве я одна? К тому времени мы уже знали, что такое гематрия, и не считали случайным совпадением то, что числовое значение букв, входящих в слово Египет (на иврите Мицраим) равно числовому значению букв, входящих в слово СССР .

И теперь, глядя на это серебряное сердечко, я вспомнила предание, в котором рассказывалось, что перед исходом Б-г расположил сердца египтян к евреям, они откликнулись на просьбу евреев и дали им серебряные и золотые вещи.

Я ничего не просила. И были мы не в Египте.
И тем не менее это был Исход.